

Георгий ЛОПАТИН

ПОПАДАНЕЦ
ОБЫКНОВЕННЫЙ

Попаданец обыкновенный

Георгий Лопатин

Попаданец обыкновенный

«Автор»

2013

Лопатин Г. В.

Попаданец обыкновенный / Г. В. Лопатин — «Автор»,
2013 — (Попаданец обыкновенный)

ISBN 978-5-9922-1636-3

Сотни тысяч людей пропадают по всему миру без следа. Попал в это число и охотник за аномалиями Кирилл. Неизвестно куда пропадают остальные, а он попал в параллельный мир, где правит балом магия. Кирилл идет в земли людей в надежде найти того, кто отправит его назад, по пути обрстая подругами... правда нечеловеческого роду-племени. Но он надеется, что это только пока...

ISBN 978-5-9922-1636-3

© Лопатин Г. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Георгий Лопатин

Попаданец обыкновенный

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Кирилл. Охотник на НЛО и прочие неопознанные явления

Меня зовут Кирилл Мясищев. Я – поисковик. Нет, я не из тех, кто занимается благородным делом и ищет останки павших воинов на полях сражений Второй мировой, рискуя подорваться на проржавевшей мине или снаряде. Место жительства подкачало – Сибирь. Я из «Космопоиска». Да-да, из тех самых шизанутых, что ищут зеленых человечков, охотятся за летающими блюдцами и исследуют, если можно так выразиться, всяческие аномалии и прочие необъяснимые явления, и этого добра в Сибири хватает. Хобби у меня такое.

Вот и сейчас я сижу в засаде на разум внеземной. От местных жителей из богом забытой деревушки поступил сигнал о световых явлениях и пропаже коровы.

Мне предложили смотаться посмотреть, что да как, и я недолго думая оседлал свой советский байк и рванул навстречу неведомому. В одиночку – потому как не сезон: начало сентября, все на картошке, а я овощеводством не балуюсь.

Засел я, значит, в кустах, поставил одноместную палатку пятнистой расцветки, мотоцикл свой, синий «Восход» восемьдесят третьего года выпуска, всего на два года младше меня, припарковал за палаткой и все это еще дополнительно замаскировал ветвями.

Хотя смысл... Да смысла в этом нет. Если тут на поляне третий день и впрямь шалит разум внеземной на своих летающих чайниках, то все мои маскировочные ухищрения не стоят и ломаного гроша: заметят как пить дать, я им буду виден как на ладони, словно голый дурак, прикрывающий свое хозяйство куском прозрачного стекла. Если это природная аномалия, то смысла маскироваться тем более нет. Ну да ладно...

Рядом поставил аппаратуру от нашего Электроника (так мы зовем нашего любителя-конструктора) – всякие датчики, позволяющие фиксировать отклонения по десяткам различных параметров, все это завязано на ноут, чтобы я мог отслеживать изменения в режиме реального времени по хитрым графикам. Датчики ведь могут засечь аномалию намного раньше, чем она проявится и можно будет ее увидеть невооруженным взглядом.

Поскольку подобные засады частенько приходится организовывать вдали от населенных пунктов, в диких местах, где чудеса, где леший... в смысле волки с медведями бродят, то рядом со мной всегда лежит мощная пневматическая винтовка.

Названия не сообщу из принципа. Производители мне не платят за рекламу... А то как откроешь книжку, то прямо как оружейный буклет читаешь, сплошные названия стрелялок, взрывалок и прочих леталок, ТТХ¹ на полстраницы.

Про свою винтовку скажу, что иностранная, весит четыре с половиной кило, шестизарядная, на двадцать выстрелов с одной заправки, калибра 9 миллиметров.

Купили знакомые за границей мне на двадцатипятилетие. Дорогой подарок.

Против медведя, конечно, пневматика совсем не пляшет, но вот против волков уже самое то, учитывая, что пульки у меня самодельные... запрещенные. Кто бы только знал, сколько трудов мне стоило сделать пули с каленым сердечником, это учитывая калибр! Брр... Дум-дум проще. Тоже есть.

К чему такой геморрой и почему нельзя было вооружиться нормальным охотничьим стволом типа «тигра» и прочей «сайги»? А с этим делом геморрой еще больше. Сейф огнестрелу купи, охотничий билет оформи и продлевай, боеприпасы дорогие (пострелять я, скажу прямо, люблю), а если учитывать, что очень часто всякие явления происходят в заповедниках, куда с огнестрелом ни-ни, то вообще труба. А так пневматика и пневматика – поехал, мол, по

¹ Тактико-технические характеристики.

бутылочкам пострелять, даже если и поймают, то ничего предъявить не смогут (нестандартные пули я в труднодоступном тайнике вожу). Полиционеры опять же в дороге не подкопаются.

Хотя надо отметить, что для пневматики с таким внушительным калибром, как у меня, должны были сопутствовать все юридические проблемы, что и для огнестрела, – разрешения, лицензии, сейфы и так далее. Но этот момент я обошел благодаря тому, что этот подарок, купленный за бугром, как-то прошел по недосмотру в таможене без придинок, без обязательной полноценной регистрации, как из магазина. Сделал второй ствол под четыре с половиной миллиметра – детский калибр. Сам ствол взял от простой «переломки», подшаманил – и вуаля! Все чики-пики, никто не придерется!

По дороге едешь со стволом на четыре и пять, а на месте ставишь «девятку».

Так вот, винтовка всегда со мной плюс разные отпугивающие составы – дымшашки и газовые баллончики, – они как раз медведей хорошо отгоняют, а если не отгонят, то придется отстреливаться – бить по глазам. На крайний случай есть ракетница с десятью выстрелами.

Вот так вот сижу, на природу гляжу, музыку слушаю, или книжку с компа читаю. Пока все тихо и спокойно. Гадаю про себя: пустышку тяну или действительно стану свидетелем чего-то странного? Хотелось бы последнего, естественно, но, как правило, тяну пустышку в девяноста девяти процентах случаев. Однако такова судьба таких шизиков, как я.

Вот опустился вечер, и я приготовился. По свидетельству аборигенов – и я очень надеюсь, что это были не их пьяные галлюцинации от самопальной браги, – явление проявляется в полночь.

Кстати, что они вообще тут забыли в полночь в пяти километрах от деревни, вдали от связующих населенные пункты дорог? Браконьерили? Ну да ладно, я не егерь... сам иногда балуюсь, зайчишку там прихлопну на жаркое, птичку какую, рыбку спиннингом во время нереста...

Полночь. Все показатели – от радиации до гравитации – в норме (если Электроник наш реальные датчики смастачил, а не напаял всякой ерунды, как бог на душу положит, засунув в пластиковую коробку), нет никаких пиков на графиках, визуальное тоже ничего не просматривается. Через час я начал думать, что приехал зря.

Два часа ночи – тишина.

– Ну, значит, не судьба, – протянул я разочарованно.

И в этот момент, словно мой голос стал камешком, спустившим лавину, метрах в тридцати в визуальном диапазоне что-то произошло. Прошла какая-то рябь, что-то словно колыхнулось, и появилось легкое свечение.

Я тут же схватил камеру и стал снимать, надеясь, что она все же зафиксирует то, что я вижу, а то иногда бывает: человек что-то видит, а аппаратура нет, как и наоборот, а еще чаще – аппаратура вырубается к чертям... Было такое из личного опыта, но опять же не докажешь, что аномалия виновата.

Но пока вроде все в порядке, камера исправно пишет, а аномальное явление проявляется.

Меня аж потряхивало от возбуждения, чего уж тут говорить – ведь по сути это было первое явление, что мне удалось реально зафиксировать. Меня уже стало так колбасить, что картинка просто плясала, и я, понимая, что так ничего не зафиксирую, захотел поставить ее на штатив.

И в этот момент аномалия стремительно метнулась ко мне, я еще успел подумать, что она, похоже, среагировала на движение, словно хищник. Я даже не успел испугаться толком, как оказался внутри сияния, потом сверкнула яркая вспышка, ослепившая глаза, и я выпал из реальности.

Глава 1

Кирилл. Попаданец обыкновенный

Когда очнулся, уже рассвело. Более того, солнце висело ровнехонько в зените, над самой головой. Птички всякие щебетали, дятел выдавал частую дробь (и как он себе только мозги не отбивает?), вдалеке кукукала кукушка, отсчитывая чью-то жизнь. Надеюсь, не мою... Стреко-тали и жужжали насекомые, ползали по моей морде лица наглые муравьи...

– Ч-черт, вот это меня приложило, – пробормотал я, с трудом вставая.

Хорошо, что не сожрал никто. Впрочем, животные стараются избегать аномальных зон. Это не люди, они их чувствуют незнамо каким местом и органом чувств.

Первым делом проверил аппаратуру – не сожгло ли ее этой вспышкой. Но вроде нет. Камера работала исправно, данные сохранились, что несказанно обрадовало. Комп тоже в полном порядке и даже успел подзарядить свои батареи от еще вчера развернутой солнечной панели.

Сотовый тоже в порядке... нет, не в порядке. Где «палки» приема? Были же, всего две штуки (правда, это с учетом самодельной антенны из алюминиевой проволоки метровой длины), но до сети доставал.

Включил режим радио, и... тишина. Только треск атмосферных помех.

Это было странно, учитывая что сотовый сам по себе как прибор работал без проблем. Ладно, это не критично. Выйду к людям и свяжусь.

Собственно, пора собираться. То, за чем я приехал, – получил, зафиксировал, пора домой, обрабатывать полученные данные и гадать над тем, свидетелем и даже участником чего я, собственно, стал. Меня прямо-таки переполнял восторг. А повторять наблюдение как-то не тянуло: попасть под вспышку второй раз не хотелось. Кто ее знает, как она влияет на организм, как бы импотентом от этого не стать...

Оторвав взгляд от своей аппаратуры, я замер. Только сейчас заметил, что пейзаж вокруг довольно сильно изменился. Я по-прежнему находился в лесу, да вот полянка, на которой происходило необъяснимое явление, отсутствовала. Везде деревья и кусты. Не выросли же на ней за ночь вековые деревья!..

Естественно, первой мыслью стало, что надо мной пошутили. Как-то вывели меня из строя и перенесли на новое место. Но подобное самоуспокоение не выдерживало никакой критики, вдребезги разбиваясь о реальность. Во-первых, как меня отрубили? А во-вторых, на кой это вообще кому-то надо? Аборигенам больше делать нечего?

Подкатали паника. Я заозирался выпученными от страха глазами, усилием остатков воли подавляя в себе желание вскочить и куда-то с диким криком мчаться.

Мозг, дабы избежать перегрузки сознания с последующим переходом в невменяемое состояние, перешел в режим спячки, то есть я погрузился в оцепенение.

Сколько провел в таком состоянии времени, не знаю, по часам не засек, но, когда стал наконец соображать, сообразил, что попал, и попал по полной, став классическим попаданцем со всеми вытекающими приключениями на то место, которым обычно сидят.

То, что я стал персонажем целого направления фантастической литературы, подтверждалось и окружающим меня миром – не только тем, что изменился пейзаж, исчезла поляна, – но и растительностью. Я много где успел побывать, но таких красно-белых цветочков нигде не видел.

Деревья, кустарники, трава – все было другим, другая форма и размеры листьев, ни одного знакомого растения. Оставалось гадать, какие здесь водятся животные...

Последняя мысль поставила меня на боевой взвод, я вскочил и схватил винтовку. Но в качестве обеда меня пока никто не рассматривал.

Вновь возникло желание свалить. Но, немного успокоившись, я решил, что это всегда успеется. И вообще странно, что, попав в другой мир, попаданцы тут же делают ноги из района появления.

Я этой ошибки делать не стал. Если какая-то хрень перенесла меня сюда, не знаю куда, то, может, она перенесет меня обратно?

Очень хотелось на это надеяться. И я надеялся, потому как больше, собственно, делать было нечего. Только сидеть и ждать.

Солнце медленно катилось по небосводу, припекало знатно – видать, здесь самый разгар лета. Хотя один положительный момент, а то зимней одежды у меня нема. В осенней долго не протянуть.

Вот и вечер. Я неотрывно пялился в экран ноутбука и по сторонам.

Полночь. Ничего.

Час ночи. Тихо.

Два часа. Глухо.

Три, четыре, пять... Уже давно рассвело, но аппаратура ничего не засекала, и сам я ничего не заметил.

Вот тут-то меня и накрыла паника. Тихая. Я сидел, сжавшись в комок, и крупно дрожал. Я ведь никогда ни о чем подобном не мечтал и никогда не мог понять литературных героев, что чуть ли не с радостью, маршем и с песнями под барабанный бой шли исследовать новый мир, абсолютно ничего о нем и его опасностях не зная. Может, тут индейцы майя «добровольцев» на жертвенных камнях режут!..

На своем месте я провел еще двое суток, практически не отлучаясь от аппаратуры, почти не ел и не спал. Извелся, тихо сходил с ума... но ничто не изменилось. Аномалия, забросившая меня сюда, больше не возникала.

Тут до самого большого тугодума дойдет, что больше высиживать... кроме своих фаберже, нечего. Конечно, боязно, так и проскакивает мысль, что ты уйдешь, а аномалия работает – и шанс упущен.

Но с другой стороны, здесь можно сидеть до заговенья. Беда лишь в том, что еда подходит к концу. В любом случае придется отвлекаться на охоту, и надолго.

Конечно, можно обустроиться, и рано или поздно, если явление все же регулярно повторяется, можно его подловить. Но что-то говорило мне, что шансы подобного стремятся к нулю.

Так что надо сваливать и, как любой другой уважающий себя попаданец, идти исследовать мир, становиться бароном, обзаводиться гаремом из эльфиек... темной и светлой. Хотя, может, ну ее, темную, учитывая их славу стерв-истязательниц. Я ведь не мазохист...

Интересно, они тут вообще есть? Если есть, то и остальные расы тоже наверняка должны присутствовать.

А магия? Может, я, как типичный попадун, являюсь скрытым мегаархимагом?! Местные маги при виде меня, когда обучусь, конечно, будут нервно курить в сторонке... а враги, если вдруг таковые обнаружатся в поле зрения, как у любого другого попаданца, – мочиться от страха и убегать на карачках.

На худой конец, заделаюсь великим прогрессором, буду деньги грести лопатой, варя стекло, куя булат и еще что-нибудь творя...

Я от этих мыслей засмеялся и ржал до колик в животе, валяясь на земле, и под конец едва сопел, не в силах разогнуться. Что поделать, нервная реакция...

Отсмеявшись и кое-как разогнувшись, стал собираться в дорогу.

– И будем надеяться, что в этом мире все же есть люди...

Я быстренько собрал всю свою электронику, скатал палатку и загрузил это на своего старичка – «зайчика» или «кролика», не знаю кого нарисовали на эмблеме «Восхода».

Загрузить-то загрузил и уже решил резко дернуть ногой дрыгалку, чтобы завести двухколесного коня, но в последний момент передумал. Далеко по лесу я все равно не уеду. Я к полянке-то едва проехал, а она не так уж глубоко располагалась от дороги, что вела на деревенские сенокосы да грибные места, – а уж тут, по этим буреломам?!

Шум опять же. Зачем шуметь мотором на весь лес? Не стоит привлекать к себе лишнего внимания раньше времени. Сначала надо провести разведку, самому посмотреть, что да как вокруг, и выходить к людям по своей инициативе. А то мало ли что... объявят еще демоном и спалят на пионерском костре.

Так что зайчику-кролику придется остаться здесь с большей частью аппаратуры. Ноутбук тоже хотел оставить – с собой таскать неудобно и тяжело, без книг в нем как-нибудь обойдусь, тем более что справочников там никаких нет, – но жаба задушила. Взял. Прихватил также простейшую лазерную сигналку, из датчиков которой можно образовать квадратный сигнальный контур: никто не подберется незамеченным, обязательно пересечет луч. Правда, от ландшафта тоже многое зависит...

Камеру возьму. Она у меня чудо как навороченная, чего только стоит режим ночного видения. Телефон к чертям. А солнечную панель беру с собой – заряжать батареи ко всему остальному.

Понятное дело, что беру палатку со спальником и рюкзак с остатками провианта, коего хватит еще максимум на два дня, но лучше бы перейти на подножный корм. Также взял аптечку с необходимым минимумом лекарств. Не забыл насос для подкачки воздушных баллонов для пневматики. Также на мне бинокль, нож охотничий на поясе и складной в кармане, туристский топорик за спиной. Спички, зажигалка. Фляжка с водой плюс термос (уже давно пустой) в рюкзаке. Лопатка, называемая саперной, тоже при мне. Спиннинг.

Нагрузился как вол. И объем, и масса груза получилась весьма приличной. Но запас карман не тянет. Все нужно.

Немного подумав, прихватил все консервные банки. Сколько раз замечал, что, едва выбросишь ненужную вещь, она требуется чуть ли не на следующий день. Авось и банки на что пригодятся. Везят немного.

В пластиковую бутылку из-под американской газировки, что растворяет внутренние органы не хуже серной кислоты, из бензобака слил бензина. Можно будет огнемет сделать, если дырочку в крышке проделать. Самому бы при этом не сгореть...

Ну, вроде все... готов двигаться. Подняться бы только...

Прошагав с три километра, уткнулся в водную преграду, сиречь реку. Вроде небольшую, шириной метров десять, и неглубокую, под полтора метра в стремнине, – но смысл ее преодолевать? Лучше уж по ней сплавиться, куда бы она ни текла, тем более что особого маршрута движения у меня нет. А учитывая, что все поселения находятся у источников воды, – это тем более самый верный способ добраться до местной цивилизации.

Хотел было вернуться к мотоциклу – такое-то расстояние я всяко-разно преодолею, – но потом решил: зачем? Вдруг аборигены какие каннибалы, придется резко делать ноги, так зачем им на растерзание моего железного демона оставлять? Ну уж нет.

Ну а раз так, принялся за изготовление плота. Вот уж намахался я топориком, сколько за всю свою жизнь не махал. Свалил четыре сухих ствола и кое-как связал их капроновой веревкой. Держал плот вроде неплохо. Но палатку пока решил не ставить – мало ли что, может, впереди пороги или, того хуже, водопад, а терять имущество неохота.

Речка на вид была кристально-прозрачной, и я рискнул набрать в уже опустевшую фляжку воды. На всякий случай прокипятил – вкус после кипячения не ахти, но рисковать не хотелось: мало ли какие микроорганизмы водятся в местной воде. Хотя, с другой стороны, если уж на то пошло, я давно инфицирован... Ладно, к черту мысли о болячках, пора отдавать

концы... в смысле у плота. И я отдал, оттолкнувшись шестом от берега и выходя на центр русла, где меня подхватило довольно приличное течение, только успевай поддерживать курс.

Так я и плыл-шел до самого вечера.

Была мыслишка остаться на плоту, предварительно его заякорив, но передумал – слишком уж ненадежно. До меня хищник при желании добраться сможет без особых проблем, а вот я убежать быстро уже не смогу. Так что лучше на сушу, а еще лучше – на дерево, вон как раз подходящее. Я и так сильно рисковал в прошлые ночевки – хорошо, что обошлось.

В разлапистом дереве обустроил себе лежанку, соорудив настил из жердей между ветками. Они росли как-то странно: ярусами.

Поужинал же пойманной в реке рыбиной. Я вообще в рыбе не разбираюсь, так что не знаю, что это было, но размер хороший, с руку длиной, так что рыбешки мне хватило за глаза. Запек ее в углях.

И на боковую.

Несмотря на стресс, отрубился практически сразу. Сказались бдения прошлых суток.

Проснулся от удара по дереву и, не привяжись я к нему веревкой, свалился бы на землю что твой поспевший плод. Скорее всего, и до земли бы не долетел, а угодил прямо в пасть жуткому чудо-юде, что разочарованно взревело так, что у меня кровь в жилах застыла и я чуть реально не обделался от страха.

Чудовище протаранило дерево вновь, словно решив его повалить, и я принялся спешно копошиться в своих запасах в поиске того, чем бы эту страшилищу отпугнуть. Схватил баллончик с перцем и прыснул в гада.

Лучше бы я этого не делал. Чудовище взревело так пронзительно, переходя на ультразвук, что я чуть не оглох и не скончался от разрыва сердца. После чего зверюга неизвестного вида принялась крушить ствол своими чудовищными по длине, крепости и остроте когтями. Бензопила «Дружба» отдыхает – во все стороны летели кора и щепа. Чудовище реально решило свалить дерево и достать обидчика.

Вспомнил о бензинчике и, отвинтив крышку, полил на животину, этак с пол-литра: жалеть драгоценное топливо в таком случае не стоит – жизнь дороже. Животное на жидкость почти не обратило внимания, лишь презрительно фыркнуло – наверное, подумало, что это результат страха и мало ли у кого как моча воняет... а зря. Ярko вспыхнула туристическая спичка и метеором упала вниз. Мгновение – и внизу запылал живой костер.

Завоняло паленой шерстью. Зверь заорал и, оставив ремесло лесоруба, принялся носиться кругами и прочими зигзагами и периодически валяться по земле, пытаясь сбить обжигающее пламя. Получалось пока не очень, а я подготовил ракетницу. С пневматикой против такой туши не погрешь: страхолюдина просто не заметит пуль.

К счастью, сигнальный боеприпас переводить не пришлось. Зверь умчался прочь в сторону реки, куда, скорее всего, и плюхнулся, гася огонь, а возвращаться, наверное, передумал – слишком уж жестокой оказалась добыча. И правильно сделал.

Так что на следующую ночь, преодолев за день некоторое количество пространства, не встретив ни одной живой души и даже следов разумной деятельности, я выбрал дерево покрепче и забрался повыше. На этот раз приведя все свое оружие в полную боевую готовность, чтобы не терять ни минуты времени на поиски.

– Да чтоб вас... – ругнулся я, вздрогнув, когда услышал вдалеке протяжный волчий вой.

Ему вторил другой волк, потом третий и четвертый. Все немного с разных сторон, но примерно с одного направления – если я не ошибаюсь, к востоку от меня.

Потом стали слышаться тьявкующие звуки, и их характер был таков, что сразу стало ясно: волки загоняют добычу, отрезая ей пути к отступлению и возможности маневра, загоняя в ловушку, элементом которой являлась река, – это, наверное, на тот случай, если они раньше не нагонят ее.

И что самое поганое – направление они держали примерно в мою сторону. Не хотелось бы связываться с серыми санитарями, или какого здесь волки окраса и размера.

Прав был старик Мэрфи, сказав, что, если есть вероятность того, что гадость может случиться, – будьте уверены, она непременно произойдет.

Правильно: волки шли точно на меня, точнее, к дереву, на котором я засел. Но сначала под ним пронеслась человеческая фигура.

Вид гуманоида – кем бы он ни был, в темноте не разобрать, несколько вышиб меня из колеи, потряс и обрадовал, да так, что я пропустил появление волков, выскочивших из темноты буквально в следующий момент.

Еще пара секунд – и первый волк догнал свою жертву, повалил на землю. Там раздался крик, вой, послышалась возня.

«Моего возможного проводника Пятницу мочат!» – подумал я и вскинул винтовку, сразу же засаживая первые пули в следующих выскочивших за вожак волков с горящими красным глазами.

Раздался вой. Да, для волков пули дум-дум, да еще со столь короткой дистанции, – это уже серьезно, мышцы и кишки, в зависимости от того, куда я попадал, им рвало только так.

Пять волков свалились, еще трое продолжали терзать жертву. Нет, уже двое. Жертва оказалась не так проста и одного волчару серьезно покалечила, так что он отвалил в сторону.

Я быстро зарядил свою воздушку и стал тщательно целиться, чтобы не попасть в возможного «языка». Но потом плюнул на тщательность – каждая секунда на счету, потенциального союзника вот-вот порвут на лоскуты, наверняка ему уже хорошо досталось от волчьих зубок, – так что я начал высаживать пулю за пулей при малейшей возможности.

Один готов. Оставшийся волк, почуяв неладное, разорвал дистанцию от жертвы, чтобы осмотреться, за что и поплатился: пуля вошла ему в бочину, превратив внутренности в кашу. Волк, взыв от боли, рухнул на землю.

Свалился и спасаемый, секунду назад вскочивший на одном адреналине. Ему следовало немедленно помочь, но прежде требовалось добить волков, для чего пришлось еще раз зарядить винтовку и бить серым в район сердца, чтобы наверняка. Засаживал по две пули.

Все, волки перестали дрыгаться даже в конвульсиях. Можно спускаться и оказывать пострадавшему первую медицинскую помощь.

Глава 2

Кирилл. Пападанец в роли доктора Айболита

Прихватил аптечку с фонариком и резво спустился. Быстро нарубил веток, свалил все это вдоль тела в метре от пострадавшего, не упуская того из виду – вдруг еще кинется, приняв за врага, в таком состоянии действуют на инстинктах, – сбрызнул дрова бензином и поджег. Света нужно много – светодиодного от налобного фонаря недостаточно.

Огонь ярко вспыхнул, осветив спасенного, и я отшатнулся. Нет, не от вида чудовищных, нанесенных волчьими зубами ран, хотя эти раны были просто кошмарными. Предо мной лежал... не человек. Гоблин, самый что ни на есть натуральный гоблин, а если быть еще точнее, то гоблинка, или гоблинша... Как определил? Ну дык чего там определять? Волки постарались раздеть свою жертву перед употреблением, да и чего там было раздевать? Содрали лифчик с набедренной повязкой из шкуры – и вся недолга.

Что сказать о внешности, если забыть про раны. Рост едва под полтора метра, про цвет кожи не скажу – огонь и синеватый свет от налобного фонарика не давали точно определить, – но темный, вроде даже зеленоватый. Тело... тело вполне... вполне приятное на глаз. На ощупь от человеческого точно бы не отличил, в том числе что касается груди – размерчик тоже неплох относительно невысокого роста. Второй точно есть...

Касаемо же головы – тут имелись явные отличия. Первое, что выделялось, – это уши. Довольно большие, чуть оттопыренные, «слоновые», площадью с мою ладонь, но гармоничные. Что касается непосредственно лица, то особого отторжения не вызвало, хоть и гоблинша. Я, признаться, думал, что будет уродство, как рисуют гоблинов у нас: мерзких поганцев, – но нет, при ближайшем рассмотрении можно даже назвать милым. Хотя мужики гоблинские могут быть и явными уродцами, женщины же на лик мягче... Ну и волосы – длинные, собранные в хитрую плетеную прическу, сейчас изрядно растрепанную и залитую кровью.

Все это я оценил в одну секунду, и встал, собственно, насущный вопрос: что прикажете с ней делать? Спасать или добить, чтобы не мучилась? Проявить, так сказать, милосердие...

С одной стороны, это «язык» – какой ни есть, но «язык». С другой стороны, а много ли знает этот «язык», прежде носивший в качестве одежды пару шкурок? Ведь такое одеяние, да и каменный ножик как оружие, выдает в них отпетых дикарей, и информации много явно не вытянешь. Это я уже молчу о том, что «язык» – гоблинка, не человек. Не то чтобы я был ксенофобом, но гоблины есть гоблины, злобные гады, человечинку при случае наверняка жрут за милую душу...

«Так, стоп! – остановил я себя. – Ты ничего не знаешь, а судишь о лежащем... лежащей перед тобой особью, пусть и не человеческой расы, по земным представлениям о ее виде. Это как минимум опрометчиво...»

Опять же за неимением гербовой пишут на туалетной. Это я в том смысле, что от гоблинши получу хоть какие-то данные – ну, например, в какой стороне искать людей. А то, может, я как раз в царство этих самых гоблинов направляюсь, где меня и скушают со всем их удовольствием. Это будет не слишком весело... для меня точно, а гоблинам – наверняка наоборот, праздник, деликатесный дюфцит... может, даже торжества устроят.

Это географическое обстоятельство и нежелание быть главным блюдом решили все мои размышления в пользу человека... то бишь в данном случае гоблинолюбия... хоть и звучит как-то гадостно – как некро- и зоофилия в одном флаконе.

Женщина опять же...

В общем, отбросив подальше обсидиановый нож, я принялся лечить. Лекарь из меня – как папа римский, но за неимением гербовой... буду лечить я. Первым делом убедившись, что пациент скорее жив, чем мертв, дыхание есть, сердцебиение тоже достаточно сильное, живучий

народ эти лопухие, я достал из аптечки иголку и вдел в нее шелковую нитку. Требовалось как можно скорее закрыть раны и остановить кровотечение.

Использовать медикаменты, обезболивающее я не решился. Вдруг подействует как яд? Не человек же лежит передо мной.

Первым делом промыл водой из фляжки с разбавленной в ней маленькой щепоткой марганцовки и зашил самую большую и кровоточащую рану на правой ноге, потом – рану, лишь немного уступающую по размерам первой, на левой. Хорошо, что до вен не добрались клыки лесных пластических хирургов. Оплошали серые.

Дальше промывал и зашивал раны по всему остальному телу – подрали ее знатно, живого места не осталось, учитывая царапины от когтей, даже грудь левую зашил. Тут я ничего не чувствовал. Во-первых, хоть она и женского пола, но не человек, а во-вторых – пациент. А так...

Зашив, замазал все йодом (весь флакон извел, царапин не счесть) и слегка забинтовал. Точнее, прижал к ранам бинтом, которого у меня всего один пакет, широкие листья с ближайшего куста исключительно для того, чтобы грязь не попала.

Ох и умаялся я! Шил, наверное, часа полтора, не разгибая спины, только оглядывался изредка по сторонам. Костер успел прогореть, лишь угли тлели, спасал только светодиодный фонарик, а уж сколько швов пришлось наложить – и ведь не простые стежки делал, чай, не рванный носок штопал, а полноценные хирургические, каждый стежок отдельно! И все в кровянице, иголка выскальзывает... Даже порванное ухо ей заштопал.

Кстати, от гоблины особо и не пахло, разве что слегка и не остро – все-таки долго и быстро бежала, спасаясь от хищников, вспотела. А то обычно дикарей изображают жуткими вонючками, в волосах которых чуть ли не мыши живут и гадают. И это, на мой взгляд, как минимум странно. Сами посудите, ведь дикари – охотники, и лишний запах им совсем ни к чему, дичь вся разбежится, заходи они хоть трижды с подветренной (или наветренной?) стороны, сами ни черта из-за своего амбре не почуют и останутся голодными, так что волей-неволей личную гигиену начнешь соблюдать: урчащее брюхо заставит.

Скорее излишняя телесная вонь – это сомнительное завоевание цивилизации, когда у людей ум за разум заходит, про всякие там телесные защитные пленки, данные от рождения, что смываются во время омовения. Это я про Средневековую Европу намекаю. Особенно воняют двинутые на почве религии – это я уже про орден тамплиеров, где омовение было чуть ли не запрещено!!! Ох и вонючие были парни! Комары, наверное, еще на подлете дохли... А уж какой духан стоял в казармах рыцарей! Бухенвальд плачет от зависти.

Закончив работу, убедился, что пациентка все еще жива и никаких дополнительных мер вроде не требуется, тем более что я ничего сделать уже не в силах. Все, что мог, сделал. Разве что массаж сердца и дыхание рот в рот... но не уверен, что я обрадовался бы последнему, – ведь зубки она все же вряд ли чистила регулярно. Хотя опять-таки именно дикари усердно чистили зубы палочками, так что кто его знает, кому будет «приятнее». Я, надо сказать, гигиену несколько забросил.

Перенеся пациентку на плот, завернул ее в спальный мешок для сохранения тепла, так как крови она потеряла ну очень много.

После чего занялся волками. Не смог удержаться от того чтобы не выбить им клыки. Трофей. Все туши сбросил в реку.

Ворохнулся в душе хомяк, но несильно. Возиться с их шкурами как-то влом. Во-первых, весь мой опыт сдирания шкур заключается в обдирке в детстве полутора десятков сусликов. А здесь громадные волки. Возни много, а толку чуть. Ну не знаю я, как правильно обрабатывать шкуры, да и ингредиентов нет. Завоняют, пропадут – столько труда напрасно канет втуне.

В последний момент одну тушу выловил назад и разделал. Пациентке после пробуждения потребуется жратва, а другой пищи у меня нет. НЗ² тратить не хотелось.

Вырезал печень, немного нарезал мяса и принялся последнее варить в котелке. Сам я волчатину есть не буду, но гоблинке сойдет.

Пока варилось мясо, а вариться волчатине, как и собачатине, надо долго, я, время от времени снимая пену, стоял на часах, осматривая окрестности как небооруженным, так и вооруженным глазом, то есть посредством видеокамеры в режиме ночного видения. Слава местным богам, никого не принесло на запах крови (ее пятна я постарался уничтожить, как мог, огнем с применением бензина, изведя его до капли) и дыма. Хотя вполне возможно, что хищники удовлетворились снесенными тушами волков.

Подступил рассвет, и на душе сразу как-то стало легче. День гонит страхи прочь. Впрочем, как и определенную решимость: сколь ни странно, а ночью все кажется более осуществимым, чем днем... Что поделать, ведь ночь – время фантазии, а день – суровой реальности.

Присев рядом с плотом, на котором все еще без сознания лежала гоблинка, принялся за рыбалку. На этот раз попались мелкие рыбешки вроде подлещиков и такие же костистые.

А гоблинка страдала в горячке, обильно обливаясь потом, горела... Пришлось ее обтирать и поить наваристым бульоном. После кормежки она ненадолго пришла в себя, посмотрела на меня мутным блуждающим взглядом и вновь отключилась.

Понятное дело, в таком состоянии она путешествовать не может, да и я желанием не горел, пока не разберусь с географией хотя бы на самом примитивном уровне, а то и вправду попаду в котел на обед к каннибалам. Пришлось ставить полноценный лагерь и продумывать вариант того, как я буду Зеленоглазку – так я прозвал гоблинку за темно-зеленые глаза – втаскивать на дерево. Не хочется мне еще раз провести ночь на земле, вздрагивая от каждого шороха и вскрика.

Раны у Зеленоглазки опухли, что неудивительно, и я все же рискнул дать ей антибиотик и вновь промыл раны раствором марганцовки.

Соорудив платформу из жердей, с помощью веревки я затащил ее на второй ярус исполинского дерева, где решил обустроиться, и даже поставил на таком же основании из жердей палатку. Там же сделал очаг из камней, и теперь можно было на землю вообще не спускаться, разве только за водой.

Собачье мясо пришлось выбросить, Зеленоглазка все не приходила в себя – и неудивительно, хотя жар к утру следующего дня заметно спал и лихорадка ее колотила не так сильно. Видать, антибиотик сделал свое благое дело.

Но мяса на следующий день я все же добыл. На противоположном берегу показались кабаниха с кабанятами, и одного поросенка-полосатика я свалил из винтовки. Пришлось сгонять туда на плоту, пока мою добычу не оприходовали. Хищников – тьма.

Когда разделал тушу, пришла в себя Зеленоглазка, все еще слабая, потому, наверное, сильно меня и не пугалась, хоть и вздрогнула.

– Ешь...

Я, насадив на палочку с одноразовой пластиковой тарелки кусочек слегка прожаренной печенки с кровью, протянул ей. Зеленоглазка упрямыться не стала и довольно живо слопала все, что было, запив это мясным бульоном, – вот и банки пригодились как посуда а-ля кружка для гоблинки.

Налопавшись, бледная – в смысле очень светло-зеленая – Зеленоглазка вновь погрузилась в целебный сон. Я же принялся за зубы волков, решив сделать из них нечто вроде ожерелья, только не на шею, а на шляпу, как у Крокодила Данди.

² Неприкосновенный запас.

Давно мечтал – и вот мечта стала былью, правда, в ином измерении, чтоб его... Муравьи, в чей муравейник я бросил трофеи, хорошо почистили клыки, я еще в кипяточке с марганцовкой ими побулькал. Мучиться особо не пришлось. Нитка есть, иголка есть, есть даже камуфляжная ленточка, на которую я эти зубы и нашил, после чего приспособил все к шляпе. Получилось неплохо – по крайней мере, мне понравилось. Грозно, блин.

Подумал было, что, наверное, еще и хвосты следовало отрезать, подвязал бы к плечам... Но потом понял, что не стоило: их ведь еще обработать надо, а так вонять начнут.

К вечеру третьего дня Зеленоглазка выглядела уже неплохо и, все еще немного шугаясь, приняла от меня вареное мясо кабанчика и бульон. Съела так, что за ушами трещало.

В качестве жеста доброй воли и дабы избежать эксцессов, я протянул Зеленоглазке ее нож, сделав к нему ножны из баночной жести и веревочку, чтобы можно было на шее носить, как это делал Маугли в мультике. И очень надеялся, что она не кинется на меня с оружием.

Долго думал, давать его ей или нет. С одной стороны, дикарка ведь, да еще гоблинка – кто ее знает, как она себя поведет, да еще с человеком: возможно, мы их лютые враги – может и кинуться с кличем камикадзе. А с другой стороны, нужно сразу расставить все точки над «ё» и понять, получится у меня с ней диалог или нет. Нож в этом плане, как лакмусовая бумажка, покажет все без прикрас. Опять же увереннее себя чувствовать станет – поймет, что она не пленница, я ее считаю неопасной, равной, ну и все такое прочее психологическое...

Не напала. Повертела нож в руке, пару раз сунула-вынула из ножен, посмотрела на зашитые раны под частично слезшими бинтами... Раны, кстати, заживали, что называется, будто на собаке! Собственно, такая регенерация не снилась вообще никакой собаке. Похоже, швы можно будет через пару дней снимать. Ну вот, посмотрела на зашитые раны, свой ножичек в руках – и сделала правильные, нужные мне выводы, что убивать ее никто не собирается, и окончательно успокоилась.

Ну что ж, можно приступать к какому-никакому разговору. Начнем, пожалуй, с имен.

– Кирилл, – представился я, показав на себя рукой, а потом перевел руку на гоблиншу с немым вопросом – типа, а тебя как, красавица лопаухая, звать-величать?

– Галлогала, – представилась она.

– Галлогала, – повторил я, показывая на нее.

– Галлогала, Кирриэл...

– Кирилл.

– Кирриэл... – вновь выдала она.

– Ладно, пусть так... – махнул я рукой, понимая, что речевой аппарат гоблинки не сможет выдать мое имя более правильно. – Кирриэл так Кирриэл, мне по барабану.

Отлично. Айкью у гоблинки на удивление достаточно высок, она понятлива и идет на контакт. Это радует, плодотворное общение возможно. А то я боялся, что придется попотеть. Теперь надо выяснить, в какой стороне люди.

Вопрос в том, как обозначить понятие «человек»?! Вот же засада на ровном месте! И что теперь делать?

Тут мне в голову пришла идея обратиться к наскальным рисункам, столь любимым дикарями. В смысле бумажным. Достал из рюкзака блокнотик, карандаш и стал достаточно схематично рисовать гоблина и человека. Благо одно отличие легко бросается в глаза – уши. Вот уши и выделил.

Медленно, чтобы не пугать, подсел к Зеленоглазке-Галлогале. Дергаться она не стала, хотя на ножичек покосилась. Ну да ладно...

Показал на себя и человечка на рисунке, потом на нее и на лопаухого человечка на листке. После этого еще раз показал на себя и рисунок человечка и махнул рукой по сторонам, в смысле, где эти человечки живут ближе всего.

– Где?

Галлогала нахмурилась – видать, не сразу въехала в то, чего от нее хотят, но потом ее лицо озарилось, и она махнула наименее пострадавшей рукой в сторону западных гор. Точно умная.

– Торэ лалеки... торэ лалеки...

Понятно. Люди где-то там, на западе. Непонятно только, что означает «торэ», а что «лалеки». Но одно из них явно означает «люди», а второе слово – «там, туда, в той стороне». Хотя кто его знает, я не лингвист. Я иностранный язык в школе едва на тройку вывел. Не мое.

– Торэ лалеки? – переспросил я, чтобы удостовериться, что понял все правильно.

– Харэ, – согласно кивнула Зеленоглазка. – Торэ лалеки.

– А там есть торэ лалеки? – указал я на север.

– Мне торэ лалеки, – отрицательно качнула головой Зеленоглазка. – Торэ голоны...

Голоны – это, наверное, гоблины или еще кто-то, решил я и, указав по очереди на север, восток и юг, спросил:

– Торэ голоны?

– Харэ... – подтвердила Зеленоглазка.

Ну вот и все, собственно, цель достигнута, лечение окупилось жизненно важным знанием, я получил от Зеленоглазки все, чего хотел. Направление известно, можно собирать манатки и сваливать в край людей, пока меня тут не слопали как главное блюдо на дне рождения вождя.

«А она?» – вдруг спросило меня мое второе «я», или иначе совесть, будь она неладна, – вечно лезет, куда ее не просят, в самый неподходящий момент.

А чего она?

«Подохнет ведь...»

Ну дык а мне какая печаль? Не я, так давно волки бы ее на удобрение пустили.

«Мы в ответе за тех, кого приручили», – назидательно заметило мое второе «я».

Гы, если она вообще приручаема. Я, например, не рискну спать с ней на одном ярусе. Собственно, если по уму, ее вообще в расход нужно пустить, от греха подальше...

На это моя совесть ответить ничего не смогла. Видать, подавилась словами от шока. Мучился, спасал – и в расход? Сильно.

Но в расход пустить я эту лопоухую красотку, к которой, прямо скажем, уже привык, как-то, естественно, не мог. Действительно, как минимум жаль своего труда, ну и не убийца я. Опять же человек – стадное животное, ему спутники нужны.

Приодеть бы ее не мешало, подумалось мне, когда Зеленоглазка вылезла из мешка по естественным надобностям и справила их с настила под корни. Ей-то, может, сверкать упругой заштопанной попкой и прочими прелестями не привыкать – святая дикарская простота, – а мне как-то неудобно, мыслишки, знаете ли, определенного рода в голову лезут... организм-предатель в одном месте определенным образом реагировать начинает.

Гы-ы... Возникла еще шаловливая мыслишка фотосессию устроить в стиле «ню». Но не стал. Нехрен дурью маяться. Да и фотомодель несколько не в кондиции в плане внешности – свежие шитые раны выглядят не шибко соблазнительно. Может, потом как-нибудь. Хи-хи...

Порылся в рюкзаке и достал зеленые шорты с камуфляжной майкой. От шортов мне тут толку нету, разве что комарам на радость в них щеголять, а ей в самый раз – гоблинов комары, похоже, не жрут. Дискриминация по расовому признаку, блин! Комары-расисты! Майку разве что жалко, ну да ладно... у меня еще одна есть.

Дал Зеленоглазке и помог одеться, чтобы задом наперед не получилось, показал, как работает молния. Это привело ее в полный восторг. Она, позабыв обо всем на свете, еще долго играла с замком... чисто ребенок. А может, и впрямь ребенок? Хотя вряд ли, но то, что она молода, – это точно.

Вновь подкатила темнота, намекая, что пора делать баюшки-баю... Я залез к себе и заперся в палатке со всем своим снаряжением, а то как бы не ограбила. Дикари – они ведь вороватые, тянут все, что плохо лежит, а все, что лежит хорошо, переводят в состояние «лежит плохо» и далее по тексту...

В палатку опять же незаметно не проникнуть. Чего уж тут скрывать – я опасался. Хотя я ее и спас и она должна быть мне обязана по гроб жизни, но кто знает их образ мышления? Может, ткнуть камнем по башке – это местное выражение почтения? Шутю, конечно, но все же...

И еще я надеялся, что утром Зеленоглазки не увижу, то бишь она потихоньку свалит от меня куда подальше (и хрен с этой фотосессией), – ведь окрепла достаточно (все же до чего живучие эти гоблины!), ведь бежала же она откуда-то куда-то, где-то есть ее дом – будь то пещера, кочевая юрта, землянка или гнездо на дереве...

Не свалила. Пичалька.

Остается только надеяться, что она не сядет мне на шею и не свесит ножки...

Пришлось задержаться еще на один день. На завтрак, обед и ужин подстрелил какую-то полосатую парнокопытную зверушку с рожками. Зеленоглазка мне достаточно активно помогла разделать тушу. Шкуру она выпросила себе и к вечеру после легкой обработки скребком, сделанным из ближайшего булыжника, и золой, с вымачиванием в каких-то густо пахнущих горечью травах, сшила мокасины и сумку по типу моего рюкзака, то есть с лямками. В дополнение к ножу вооружилась парой коротких дротиков с копьеметалкой, присобачив сыромятной кожей каменные наконечники, что тоже изготовила при мне. Амазонка-на...

К обеду я присел рядом с ней и, показав на раны, легонько поддел один шов, сделал движение пальцем, имитирующее срез. После чего медленно достал нож и срезал первую стяжку, резко дернув ниточку из плоти. Зеленоглазка чуть вздрогнула, а потом принялась сама снимать с себя швы, орудуя своим бритвенно-острым каменным ножом. Правда, до всех ран, тех, что сзади, на спине, она дотянуться не могла или рисковала сделать себе новые, и там опять пришлось работать мне.

Ну, теперь точно все. Завтра поутру выдвигаюсь на запад, к людям.

Глава 3

Галлогала. Гоблинка из стаи Сломанный Клык

Я бежала, запутывая следы в лесу. Схватка за власть проиграна. Я жестоко ошиблась – верховная мать стаи оказалась гораздо сильнее, чем можно было предположить, и слабость, которую она испытывала последние дни и которой я решила воспользоваться, чтобы занять самое почетное место за костром на шкуре бадраха, не помешала старой карге, понесшей двадцать выводков и готовящейся понести двадцать первый, меня одолеть.

Я бросила вызов слишком рано. Следовало подождать еще немного. День, два... Может, слабость подкосила бы здоровье верховной матери еще сильнее, и тогда... Тогда меня мог бы кто-нибудь опередить. Та же Калларина... моя сестра по выводку. Или Парелла, также сестра, но из предыдущего выводка. Парелла – самая старшая из нас. Все дочери из предыдущих выводков давно отправились на перерождение, и тем более не осталось ни одной сестры нынешней великой матери.

Если бы великую мать победила кто-нибудь из них, то мне уже можно было забыть о титуле великой матери. Победительница быстро загнобила бы всех конкуренток на шкуру бадраха, как, впрочем, это сделала бы и я...

Да, мать оказалась сильна... наверное, даже не столько сильна, сколько опытна. Да, это, пожалуй, будет вернее... опытна. Она одолела меня не силой и не скоростью, стремительностью выпадов, а именно опытом, словно предугадывая все мои движения еще задолго до того, как я начинала действовать. Собственно, вся моя сила и скорость только и помогли мне остаться в живых и бежать. Редко кто из бросивших вызов великой матери оставался в живых, но мне повезло...

И о чем я только думала?! Ведь сколько раз ей бросали вызов до меня?! Много, очень много... Сама была свидетельницей не меньше раз, чем пальцев на руках, не говоря уже о том, что она когда-то бросила вызов предыдущей великой матери...

Но так желают духи, чтобы племенем правила самая сильная, чтобы потомство было самым здоровым. А кто может принести самое здоровое и сильное потомство? Конечно, самая сильная и здоровая, молодая...

Схватка была не на жизнь, а на смерть. Осознав, что победы не достичь и меня ждет неминуемая смерть, все же я хорошо потрепала великую мать (скорее всего, я оказала большую помощь кому-то из оставшихся претенденток на шкуру бадраха, кто непременно воспользуется еще более сильным ослаблением великой матери от схватки со мной) и она очень обозлилась, – я, собрав остатки сил, бросилась прочь.

Как я и думала, великая мать не пожелала меня отпускать, послав погоню из прибудных самцов, ушедших из своих стай в надежде стать доминантом в других стаях и дать свое потомство от великой матери. Остался только тот, кого я присмотрела для продолжения потомства, – оно и понятно: вдруг он мне поможет бежать. Ведь лучше завести потомство от беглянки, создав собственную стаю, чем оставаться в вечных кандидатах.

Собственно, схватка с великой матерью была неизбежна, потому как глупо надеяться, что великая мать ничего не заметит. А ей конкурентки в великой миссии главы стаи не нужны, и либо я победила бы ее, либо великая мать сгнобила бы меня, так что никто из прибудных даже подумать бы не посмел, чтобы оказать мне знаки внимания, чтобы не быть изгнанным, став одиночкой, кои долго не живут, и навсегда потерять возможность стать одним из продолжателей рода, в чем заключается цель всех самцов. Ради чего они постоянно выясняют, кто из них сильнее, дабы приглянуться великой матери.

Но настигающей меня, несмотря на все мои старания запутать и скрыть следы, погоне не повезло. Они так увлеклись преследованием, что проморгали стаю волоканов, пошедших по

их следу. Да и мне радоваться тоже особо нечему. Возможность прожить на несколько минут дольше, пока волоканы будут расправляться с рукой³ приبلудных, не так уж вдохновляет. А уйти от этих зверей невозможно. Можно лишь продлить свою жизнь еще на несколько дней, взобравшись на дерево, но не спастись. Волоканы будут сторожить тебя внизу, пока ты не свалишься, обессилев от голода и жажды.

Но вот приبلудные задраны. Оставалось лишь надеяться, что им удалось хорошо побить стаю и серьезно ранить оставшихся в живых. Тогда шансы на спасение многократно возрастали. Мне останется только достичь реки, перебраться на другой берег и уйти в отрыв, потому как волоканы быстро ослабеют от ран, и хорошо, что я сама не получила в поединке ни одной серьезной раны от великой матери...

Но нет, приبلудные самцы сплеховали, о чем сказал победный вой. Может, они и ополовинили стаю, но оставшейся половины хватит, чтобы меня догнать и растерзать. Можно было еще надеяться, что добычи волоканам хватит и они забудут про меня, но второй вой сказал, что эти надежды напрасны.

Я ускорила бег насколько возможно, каждое мгновение из-за непроглядной тьмы рискуя сломать себе шею, споткнувшись о корневище или запутавшись в траве.

Волоканы близко. Они начинают захлопывать капкан, о чем свидетельствуют их короткие потягивания – так они разговаривают между собой, координируя свои действия. Река уже близко, но она меня не спасет. Волоканы настигнут меня в воде...

За что, духи!

Наверное, за то, что я все же проиграла схватку с великой матерью, оказалась недостойна, недостаточно хороша, чтобы продолжить род и возглавить свою стаю, а значит, должна умереть. И если великая мать не смогла меня убить, то за нее это сделают духи леса, натравив волоканов.

Захотелось остановиться и дать задрать себя зверям и уйти на перерождения, в надежде, что в следующем круге жизни мне повезет больше, – ведь духам леса бессмысленно сопротивляться, так или иначе они добьются своего. Но что-то во мне не пожелало умирать так просто, опустив руки, и продолжало гнать вперед. Может, я ошиблась... опять ошиблась, и духи хотят чего-то другого, а не моей смерти, иначе зачем им придавать мне сил?

Волоканы совсем близко, до реки осталось всего ничего, я уже чую запах воды... и чего-то еще... но некогда разбираться, что к чему, нужно встречать врага. Я развернулась навстречу волокану, выставя свой нож. Смерть пришла, но я заберу с собой как можно больше этих тварей, духи леса будут довольны мной и даруют достойное перерождение...

Отбить слюнявую пасть пустой рукой – и удар ножом под брюхо...

– Где вы, духи?

О духи, как больно!!! Но что это значит? Я жива? Ведь духи не ведают боли... о духи... как же больно... заберите меня к себе!

«Дух?!» – подумала я, увидев перед собой странное – размытый пятнистый контур, сливающийся с листвой.

Телесные страдания, пусть и не такие сильные, как раньше, подсказали, что духи не пожелали забрать меня в свой мир и отправлять на перерождение. Оставили страдать.

Тогда зачем он проявился передо мной? Хочет что-то сказать?

Нет, не сказать, а напоить... Странно...

В очередное пробуждение я поняла, что меня посетил не дух. Меня кормил человек в пятнистой шкуре... и сама я в коконе, как какая-то личинка... пошевелиться невозможно, да и больно.

³ С пятеркой (рука – пять пальцев).

Сначала я сильно испугалась человека. Ведь эти существа хоть и редкие гости в наших лесах, я сама видела их всего единожды, но они всегда стремятся убить кого-то из нас, как только увидят. Мы отвечаем им тем же, бросая в них копья из кустов и камни с деревьев, ставя у них на пути капканы в земле и самостоятельно срабатывающие ловушки с кольями из гибких веток.

Но этот человек меня не убил, более того – защитил от волоканов (он их убил, иначе бы звери меня задрали), лечит и кормит. Что же это значит? Не иначе лесные духи-покровители послали его ко мне... Но зачем? Хотя кто знает мотивы лесных духов. Даже шаманы не всегда понимают, что хотят до них донести духи во время камланий...

Потом человек отдал мне мой нож... в чехле. Нож выходил с легким шорохом, что не очень хорошо. Лучше, если чехол из шкуры: тогда нож будет выходить без шума и никто не услышит...

Потом мы поговорили, представились, и человек с помощью картинок на странных белых ровных листах дал понять, что хочет узнать, где живут его соплеменники. Я показала.

А потом он подарил мне свою одежду, такую же пятнистую, как у него!

Что это значит, духи?! Ведь когда прибудные приходят в стаю и дарят великой матери подарки, то это... Он хочет, чтобы... нет, вряд ли... все-таки он человек... и я не великая мать, у меня нет стаи... но если человек ведом лесными духами, а я могу основать свою стаю, то это значит, что...

Нет, с духами никогда не знаешь, что может что-то значить. Все слишком неясно. Надо подождать и получить дополнительные, более точные знаки. Да, так и поступлю, подожду новых знаков от духов!

Хотя...

Нет, не надо спешить. Тем более что он не пришел ночью, даже более того – заперся в своем жилище из ткани, не выражает готовности, и я не могу его призвать. Так чего же хотят духи?

Человек, убедившись, что мои раны окончательно срослись, снял первые швы из волос... или не волос, но точно не сухожилий... а потом помог избавиться от них там, куда я не могла дотянуться и не видела.

А очередным утром он стал собираться. Скатал свое жилище из ткани, развязал плот, забрав веревку, заготовил довольно много еды. Сразу видно, что готовится уходить к своим соплеменникам. Видимо, он исполнил все, что призвали его сделать духи леса по спасению моей жизни. Или не все? Однако новых знаков духи не давали... или я их не заметила. Я ведь не шаманка...

Но что же делать мне? Остаться здесь? Нет, это невозможно. Это охотничьи угоды моей бывшей стаи. Рано или поздно меня выследят и убьют. Вокруг на много-много дней бега тоже нет свободной земли, все занято другими стаями... меня убьют.

Я поняла! Духи хотят, чтобы я пошла с человеком, и он приведет меня в свободные от других стай земли! Одной мне не пройти: либо порвут звери, либо убьют другие голоны. Ни одна стая, точнее, великая мать не возьмет в свою стаю потенциальную конкурентку, могущую бросить ей вызов. Переходить из стаи в стаю могут только самцы...

А с человеком, с его удивительным оружием, плюющим невидимой смертью (даже звук похож на плевок), я смогу найти свободную землю и стать великой матерью своей стаи!

Благодарю, лесные духи, я принесу вам обильные подношения, как только появится первая же возможность!

Перед походом Кирриэл сделал мне еще подарки! Удивительные и очень дорогие!

Дал три емкости, которые он называл «бааннки». В двух из них можно было готовить на костре целебный взвар. Одна бааннка была высокой и поуже, а вторая вдвое ниже, но чуть пошире. Но самой удивительной была прозрачная бааннка. Настоящее сокровище!

Человек раньше хранил там темный порошок, что растворял в воде с белым порошком. Противный на вкус, Кирриэл дал мне как-то попробовать, когда я заинтересовалась напитком. И как он только мог потреблять такую дрянь... впрочем, не все целебные взвары приятны на вкус. Но он вроде ничем не болеет, зачем же пить целебные напитки просто так, да еще такие горькие?

Но темный порошок кончился, было его немного, что весьма огорчило человека, и бааннку из-под него он подарил мне. Самое удивительное было даже не то, что она прозрачная, как вода, а то, что в ней можно было хранить не только сухие вещи, но и воду! Пусть немного, всего глотков пять-шесть, но они иногда так нужны, а ручья или реки поблизости нет! И все благодаря пробке, которую надо крутить в одну сторону чтобы закрыть, и в другую, чтобы открыть. Правда, варить в прозрачной бааннке ничего нельзя. Но ничего, для этого есть другие, не закрывающиеся бааннки.

В эту прозрачную бааннку я налила взвара, придающего сил. Все-таки слабость давала о себе знать, крови потеряно много, а в походе сил потребуется намного больше.

Перед выходом Кирриэл что-то мне говорил требовательным тоном, махал рукой. Я вообще-то догадывалась, что он меня прогоняет, но я не пошла. Если его сейчас ведут духи, то, конечно, следовало подчиниться, но с другой стороны, духи могли меня проверять. Духи есть духи...

Подарки... Человек делает подарки уже во второй раз. Знак ли это?

О! Да любая великая мать сразу же приблизила бы к себе самца, сделавшего ей такие необыкновенные подарки! Так знак это или не знак?! Как не хочется разочаровать духов... но и ошибиться нельзя.

Но понять очень сложно – ведь это человек пусть и ведóm духами, однако желания сблизиться для продолжения рода не чувствуется... Разве что иногда... иногда он бросает заинтересованные взгляды, когда думает, что я его не вижу, но стоит только посмотреть в ответ – он отступает назад, делая вид, что не смотрел или смотрел в другую сторону.

Очень непонятно. Если бы он посмотрел так на меня, особенно после этих чудесных подарков, когда я смотрю на него, то...

Глава 4

Кирилл, он же Кириэл, но ни разу не эльф!

Зеленоглазка отказалась покидать меня. Декабристка... Как я ее ни гнал, не уходила. Ну не пинком же ее по попке... а то вдруг швы разойдутся. Наверное, зря я ее одарил банками. Но очень уж она была в затруднительном положении – насобирала травы, варить не в чем, и так поглядывала на котелок, что я уступил ей эти емкости.

И кофе кончился! У-у... аж выть от тоски захотелось. У меня этого чудесного порошка и так едва треть банки было. Надеюсь, аборигены, те, что из людей, знают этот напиток, а то у меня явно кофейная ломка будет, как у нарика. Я себя знаю – ни дня, точнее, утра представить себе не могу без кружки этого напитка, пусть и растворимого. Есть еще десять пакетиков чая, но это все не то. Не лезет в меня по утрам чай.

Да, что касается подарков, действительно зря я Зеленоглазку одарил банками из-под тушенки, рыбных консервов и собственно кофе. Остается только гадать, чего она себе понапридумывала в связи с этими подарками: вон как иногда зыркает... кокетничает, не иначе, паразитка. Может, еще подарков хочет? Да и вообще надо поосторожнее с этим делом, а то как бы чего не вышло...

Так и шли на запад, к горам, за коими предположительно живут люди. Несколько раз Зеленоглазка давала мне понять, что лучше сделать крюк. Я не спорил – ей в своем родном лесу виднее, как лучше идти, – может, там другие гоблины тусуются, или звери, или еще какая напасть? В общем, даже хорошо, что она пошла со мной: очень многих неприятностей избежал.

А вот и горы...

Н-да, «выше гор могут быть только горы». Они оказались высокими. Очень. На парочке вершин даже снежные шапки есть – маленькие, но есть. Впрочем, мне эти пики не штурмовать, мы пойдем легким путем, как умные люди, что в горы не ходят, а их обходят, но все равно перепады высот значительны.

И мы пошли. Зеленоглазка мне, правда, что-то пыталась объяснить, но языковой барьер встал во всей своей монументальности, и я ничего не понял. По ее мимике, прыжкам и маханиям руками понял только, что там враги. Но ведь и в лесу было небезопасно. Так что не привыкать. Единственное, что Зеленоглазка могла уже не определить опасность заранее, как это делала в лесу, – ведь, как я понял, горы – не ее стихия, вот это стоило учесть и быть начеку, а то, честно сказать, несколько расслабился со своей проводницей.

Сначала перевалы были невысокими – покрытые лесом сопки, – здесь все еще шла первой Зеленоглазка, а через день начались скалистые горы с редким кустарником – тут уже опасность выискивал я с помощью бинокля. В лесу-то я им не пользовался – просто смысла нет, а здесь Зеленоглазка заинтересовалась и так умилительно посмотрела на меня, а потом на бинокль, что я решил ей дать посмотреть, предварительно закинув ремешок на шею, предвидя бурную реакцию.

Зеленоглазка не подвела – только глянув в окуляр, тут же с вскриком выпустила из рук оптический прибор, и, не крепясь он у нее на шее, бинокль мог бы и разбиться.

Я со смехом забрал его обратно и еще раз все внимательно оглядел. Но вроде все чисто. Скалы, скалы кругом, одни скалы и камень. Ничего живого, даже баранов, козлов и косуль не видать. Впрочем, обманываться не стоило – несмотря на открытость пространств, среди камней можно спрятаться не хуже, чем в лесу в кустах, пройдешь в метре и не заметишь... как тебе в задницу копые всадят.

Но как ни озирались, как ни вглядывались, а нападение все же прозевали. Просто в один прекрасный момент, когда мы шли по довольно узкой седловине, где-то наверху послышался

шум, треск, грохот, и стоило только поднять голову, как я увидел, что на нас несется волна из кучи камней. Нам устроили осыпь.

– Бежим!!!

Но Зеленоглазку подгонять не требовалось. Мы сиганули вперед, едва уходя из-под обвала, но стоило нам уйти из-под одного – как нам устроили второй. По сути, нас загнали в ловушку. Причем работали сразу с двух склонов, так что уйти из-под обвала, поднявшись на противоположный склон, не представлялось возможным.

– Назад!

Мы рванули в обратную сторону, где обвал только-только закончился. Бежать дальше в обратную сторону также не имело смысла. Я уже видел мелькнувшие наверху фигуры, что, наверное, только и ждали нашего бегства, чтобы пустить вниз очередную порцию камней.

Увидев, что обед все еще живой, а не перетерт в мелкую мясную кашу, нападавшие уродцы, числом от двух десятков до полусотни (точнее подсчитать было просто невозможно), разочарованно-воинственно взревели и принялись кидать камни помельче уже руками.

Вот тут пришлось попрыгать и побегать...

Потом плотность камнеметания несколько снизилась, и не суть, устали они или боезапас подошел к концу, а может, и то и другое, но теперь пришел мой черед шутки шутить.

Стоило только мне почувствовать, что данное место безопасно в ближайшее десять секунд, как я вскинул винтовку и быстро разрядил барабан. Наверху тут же послышались крики боли. А один из нападавших безвольной куклой полетел вниз по склону вместо камня.

Потери нападавших просто взбесили, и камнепад усилился, и нам с Зеленоглазкой опять пришлось изрядно поскакать козликами на пяточке. Я между делом еще успел перезарядить винтовку.

И вновь быстрая стрельба, выбившая еще трех-четырех уродцев.

Я выбивал гадов с одной стороны склона, чтобы, образно выражаясь, не бегать за двумя зайцами сразу. И это дало результат. Плотность камнеметания с северной стороны резко снизилась. В то время как с южного склона в нас летело от десяти до пятнадцати камней, с северного падало не больше пяти.

– Туда! – показал я на северный склон.

Зеленоглазка понятиливо кивнула и ринулась со мной в атаку на местные амбразуры. Мы едва уворачивались от этих редких камней. Потом Зеленоглазка запустила свои копыта, и камнепад стал еще реже. Добавил и я.

Не выдержав, видя, как их настигает смерть, а они своей добыче ничего сделать не могут, уродцы бросились бежать.

Я перезарядился в четвертый раз, сменив на этот раз еще и баллон со сжатым воздухом.

Вот это я понимаю гоблины, настоящие уроды. Правда, они имели какую-то серую раскраску. Природный это окрас или искусственный маскировочный колер, я даже проверять не стал. Для себя обозвал этих поганцев гремлинами – уж довольно сильно они отличались от привычных мне гоблинов в лице Зеленоглазки.

Тоже невеликого роста, но довольно широкие в кости и с маленькими конечностями, уши тоже остrokонечные и широкие, но раза в два меньше гоблинских. Пасти клыкастые, особенно выделялись нижние клыки. Выражение морд злобное... У меня сложилось впечатление, что это помесь кого-то с кем-то. Гоблины в родословной точно есть. А если судить по нижним клыкам, то и орки отметились, хотя орков я еще не видел, но думается мне, что они тут классического вида. Думаю, правильнее назвать этих поганцев оркгоблами. Гремлины (знакомые мне по фильму-ужастику, и неизвестно – есть ли вообще тут такие существа) – это все-таки совсем уж крохотные коротышки с полметра высотой...

Пришлось уходить верхами, пока гремлины-оркгоблы не подтянули подкреплений, если у них таковые имелись.

Нас, как я понял, не преследовали – видно, побоялись, а значит, зауважали, – но мы все равно ушли достаточно далеко, а стоянку на ночь разбили на практически неприступном скальном возвышении.

Хотя эта неприступность обманчива – ведь, как я понял, эти гремлины с камнем на «ты» и могут взобраться чуть ли не по отвесной стене, и если уж я умудрился туда вскарабкаться, то аборигенам это вообще как два пальца... Так что этой ночью придется устроить дежурства. Хотя я впервые установил сигнализацию (в лесу это делать было бесполезно из-за высокой травы: любая тварь проберется в растительном ковре под лазерными лучами датчиков), но лучше продублировать своими глазками. Не стоит надеяться только на технику.

Костер разводить не стали. Зачем давать знать всем в округе, где мы засели?

Чтобы распределить время на равные промежутки, пришлось Зеленоглазку в экстренном темпе учить пользоваться часами. В общем, с горем пополам я ей объяснил, что, как только вот эта маленькая и толстая стрелочка покажет вот на это деление, а большая и длинная – вот на это, она должна меня разбудить. Но сначала иди спать первой. Уж очень вялой она выглядела, несмотря на выпитый взвар. Все-таки не стоит забывать, что она едва-едва оклемалась от ран, а кровопотери точно еще до сих пор не восстановила.

Зеленоглазка спорить не стала и тут же отрубилась на моей расстеленной, но неустановленной палатке, накрывшись второй половиной как одеялом. Ветерок давал о себе знать...

Стало быстро темнеть, но я к этому времени успел подкачать баллоны воздухом и присобачить к винтовке самодельное устройство для удержания на ней моей видеокамеры. Спросите, зачем? А затем, что из этого получился неплохой прицел ночного видения! Точность, конечно, оставляет желать лучшего, но на близких дистанциях вполне и вполне достойная. По крайней мере, все лучше чем ничего. Особенно учитывая, что луны в небе нет.

Собственно, я не в курсе насчет наличия или отсутствия спутника у этой планеты типа луна. Есть она, нет ее, или их вообще несколько. Пока ничего не видел. Звездного света недостаточно, а учитывая еще и облачность, темно будет как у негра... в желудке.

Но пока освещения еще хватало, в поле видимости никто не появлялся, и я от нечего делать стал крутить из алюминиевой проволоки какую-то финтифлюшку. Собственно, не от нечего делать, а чтобы успокоиться. Все-таки я изрядно разнервничался сегодня. Нападение в седловине не прошло бесследно, да и ночевка с бдениями и постоянной угрозой повторного нападения тоже не прибавляла спокойствия. А когда я делаю что-то руками, это меня отвлекает.

В жертву успокоению пошла самодельная антенна для сотового. И выбросить жалко, и не нужна вроде как. Решил сделать Зеленоглазке украшение. Фуфло, конечно, не золото и даже не серебро, но ей, неприятной дикарке, думаю, сойдет. Я выпрямил успевшую скрутиться в невнятную загогулину проволоку.

Но что бы такое сделать? Всего метр. Вроде много, и в то же время – ничто.

Хороший такой браслет или на лоб типа повязки – мало, да и сложно шибко, и испортится быстро при постоянной носке в непростых условиях.

Для изготовления цепочки – нормально, но как-то не фонтан. Если уж что-то делать, то хоть с претензией на красоту. Да и резать придется. На фиг столько геморроя. Просто опять же слишком.

Для сережек – много. Тоже придется делить на части, работы мелкой куча, я все же не ювелир.

Думаю, нужно что-то из цельного куска выгнуть – скажем, бабочку, простенько, но со вкусом. Но для одного изделия многовато проволоки. Тогда пусть будет две бабочки. На руки привязать – на запястья, а можно выше локтей, а можно вообще к ушам присобачить, тем более что они у нее такие широкие.

Решено: делаю бабочек в двух экземплярах.

Сломал проволоку посередине и принялся гнуть первую фигурку, не забывая поглядывать по сторонам, не крадутся ли злобные оркгоблы-гремлины по наше нежное мяско, – хоть и говорят, что на ночь жрать вредно, но им ведь этого не объяснишь...

Бабочек я доделал, когда совсем стемнело, даже пришлось подсветить фонариком – не люблю оставлять работу неоконченной, тем более когда осталось совсем чуть-чуть. Получилось не ахти, я не художник-скульптор (или как правильно в данном случае обзывать?), но опять-таки не стоит забывать, кому я это делал и почему. Так что нормуль.

Спрятал сии «произведения искусства» в нагрудный карман и взял винтовку с приспособленной на место прицела видеокамерой. Ну-с, посмотрим, что там у нас...

Вроде чисто. Никакого шевеления не видно, никакой злобный гремлин не ползет через ручей, зажав в зубах каменный кинжал...

Сигналка тоже не работает, никто не прервал лазерного луча.

Вот и дежурство подошло к концу. Растолкал Зеленоглазку – дескать, бди, – дал ей часы и еще раз напомнил, что, как только стрелка покажет на три часа, – буди, и завалился в спальный мешок. Уснул практически сразу.

Проснулся с некоторым трудом. Раз тормозит легонько, то и опасности нет, и организм не видел причин вскакивать как подорванный. Зевнул так, что чуть челюсть не вывихнул, продрал глаза, побрызгался водичкой, вроде полегчало, но все рано как-то давило. Чтобы не отключиться, как салага, врубил в плеере тяжелый рок.

Зеленоглазка вновь укуталась в палатку, а я стал бдить, мобилизовав все ресурсы. Через час начнет светать, а значит, если гремлины хотят на нас напасть, они должны это сделать в течение данного промежутка времени, так что я зорко вглядывался в темноту через камеру.

И как бы я ни был готов к появлению незваных гостей, увидел их все равно в последний момент. Одна тушка в какой-то хламиде из шкур и веток с пучками травы, распластавшись среди камней, уже перелезала через периметр!

«Они что, видят лазерные лучи?!» – изумился я не по-детски.

Похоже на то. И потом, кто их знает, в каком спектре они могут видеть. Нелюди ведь... Вполне возможно, когерентное излучение они видят так же хорошо, как люди тот же луч, только в дыму.

Вот же гадство! Враг, понимаешь, у ворот, а я пялюсь вдаль! Но ничего, кто к нам с этим пришел – от этого и погибнет.

Осмотрелся более тщательно и пересчитал врагов. Два десятка. Многовато... но делать нечего, надо биться.

Прицелился в ближайшего пластуна, успевшего перебраться через сигнальный периметр, и спустил курок. Как я уже говорил, на близких дистанциях точность попадания при прицеливании через видеокамеру вполне удовлетворительна. Вот и на этот раз не подкачала.

Ночную тишину разорвал визг боли.

Остальные нападавшие, осознав, что обнаружены, поднялись в атаку и ринулись на амбразу, разве что без криков «ура» и «за Родину, за Сталина», хотя что-то такое визжали, подбадривая себя.

Еще четверо падают на камни.

Перезарядиться...

Зеленоглазка тем временем вскочила и, верно оценив обстановку, метнула первые копыя. Она в дополнение к своим двум, с каменными наконечниками, сделала еще дюжину простых заточенных дротиков – вот их сейчас и бросала размеренно и сосредоточенно.

Еще минус два.

В нас в свою очередь полетели камни из пращей. Прилетит такой в лобешник – мало не покажется.

Я залег, перезарядился и принялся выбивать этих метателей. Зеленоглазка тем временем задала жару штурмовикам, закидав их дротиками. Не все попали в цель, так что эти злобные гремлины начали вскарабкаться к нам на верхотуру.

Ну и получи фашист гранату. Когда эти сволочи подобрались вплотную, я прыснул им в морды перчиком из баллончика. У-у, какой поднялся визг! Правда, кричали недолго, ровно до того момента, пока не разбивали свои башки о камни внизу, на которые они падали.

С другой стороны площадки топориком орудовала Зеленоглазка, снося тупые тыковки гремлинам: раз они ими все равно пользоваться не умеют, то зачем они им нужны? Правильно, не нужны.

Понесся кошмарные потери убитыми и ранеными, гремлины поспешили отступить.

Я, перезарядившись во второй раз, добавил им в спины, но никого не убил, в лучшем случае ранил. Но раны – сами понимаете какие от дум-дум.

Что-то яростное и наверняка обидное, потрясая окровавленным топориком, кричала вслед убегающим гремлинам Зеленоглазка.

Отбились.

Через полчаса адреналин, ударной дозой впрыснутый в кровь во время нападения, окончательно выдохся, и вновь захотелось спать. Заставил сначала добрать свой сон Зеленоглазку. А когда она проснулась, вспомнил о бабочках из алюминиевой проволоки и вручил ей.

– Держи, заслужила... Благодарю за службу.

И даже помог присобачить одну финтифлюшку на руку выше локтя с помощью веревочки.

Радости было полные штаны...

Оставив Зеленоглазку красоваться, завалился в спальный мешок и отрубился, несмотря на начавшийся рассвет.

Галлогала, она же Зеленоглазка. Гоблинка-беглянка, мучимая сомнениями

Кирриэл шел на запад в горы, где обитали злобные гуррулы. Они частенько спускались со своих скал и нападали на наши становища, убивая и пожирая самцов и уводя сестер в свои холодные сырые пещеры.

Человек, ведомый духами, шел туда, и мне, чтобы выполнить волю духов, не оставалось ничего другого, как следовать за ним.

Вдруг я подумала: а действительно ли человек ведом духами? Ведь духи наши – лесные, а там, в горах, естественно, хозяйничают горные – духи мерзких гуррулов, а значит, не смогут вести человека на враждебной территории, они непременно потеряют на него влияние. И что тогда? Что он сделает, ведь Кирриэл – человек, а я – голона. Вдруг он меня убьет, как это сделает любой другой человек с голоном?

Но тогда в этом нет смысла... Разве духи не знают, что они потеряют свое влияние в горах? Наверняка знают, не могут не знать. Или не потеряют? И вообще – ведом ли Кирриэл духами?!

Я даже споткнулась от такой мысли. Надо быть внимательнее...

Но если это так и человек действует лишь по собственной воле, и он по собственной воле, а не велению духов, вылечил меня и не убивает, то что тогда делать мне? Ведь он идет к своим соплеменникам, а не ведет меня туда, где я смогу стать великой матерью и создать собственную стаю! Там меня ждет смерть!

Как, впрочем, и здесь, в родном лесу, если останусь...

Но здесь я останусь одна, а там буду с человеком, который меня вылечил, выходил, дарил подарки и продолжает защищать. Может, и там, в краю своих соплеменников, он защитит меня... Но зачем это ему? И зачем это мне? В чем смысл?

Хм...

Будь что будет.

А вот и горы мерзких гуррулов – территория горных духов. Человек вроде никак не поменял ко мне своего отношения – значит, он действовал по своей воле, а не по воле лесных духов, зачем-то решивших меня убересть.

«А может, лесные духи как-то договорились с горными?!» – с надеждой подумала я, не желая отказываться от первоначального предположения, что я избранная духами.

Но как в этом можно убедиться? Да очень просто! Если мы пройдем через горы без того, чтобы на нас напали проклятые гуррулы, то, значит...

Шум падающих вниз камней оборвал мои мысли и похоронил последнюю надежду, что все происходящее происходит не просто так, а с какой-то целью. Пришлось изрядно побегать и попрыгать, уворачиваясь от падающих на наши головы камней.

А потом было ночное нападение. И если первое нападение еще можно было как-то объяснить – дескать, не все духи пришли к единому мнению, кто-то был против договора и натравил на нас стаю гуррулов, как не бывает всегда единого мнения по какому-то важному вопросу между членами одной стаи, случаются споры, выливающиеся в жестокие драки... то второе нападение сказало, что лесные духи тут не появлялись, договора нет и мы сами по себе.

Это очень печально...

Что? Это мне?! Какая прелесть!

Человек протянул мне третий подарок в виде двух искусно сделанных из странной твердой нити бабочек!

Третий подарок!!

Бабочек!!!

Ведь именно бабочек ловят претенденты, самых красивых и редких, если великая мать не может сделать выбора сразу между несколькими кандидатами!

Но... его ведь ведут не духи... это не их знак, тут же опечалилась я.

Да какая разница?! Кириэл сделал это сам!

«Но... он ведь не знает, что бабочки – это символ... – подумала я. – К демонам сомнения! Я загадала, что если будет третий подарок, то...»

*Кирилл, он же Кириэл, еще не подозревающий,
но вот-вот готовый узнать, как он ПОПАЛ с этими алюминиевыми бабочками!*

Эк меня спермотоксикоз прихватил! Давно я не видел эротических снов. Очень давно! А тут... Надеюсь, я не оконфузился. Вроде бы и стесняться особо некого, но вот перед самим собой как-то будет... не ахти будет.

А собственно, что это у нас тут? Как-то странно все...

И сплю ли я?

А то, знаете ли, сами, наверное, такое видели-испытывали не раз, бывают такие странные сны. Ты спишь и в то же время четко понимаешь, что это сон. Остро осознаешь, что все вокруг неправильно, нереально. Даже можешь осознанно действовать, а не смотреть на себя со стороны.

Нет, точно не сплю.

Я открыл глаза...

Что?! Это что же делается-то, люди?!

Караул! Убивают! Нет, не убивают... совсем не убивают.

Грабят? Ну-у, в каком-то смысле я потери несущ... сейчас... вот-вот... ох-х... Все... первая потеря произошла. Потерял миллион с чем-то там... ну вы поняли. Для совсем даунов поясню, что это я не о деньгах. У меня таких денег и не было никогда. Разве что копейками.

Тогда что? А, вспомнил... Помогите, люди! Спасите! Насилуют!!!

Ну а если серьезно, то я в первый момент спросонья (денек и ночка выдались не из легких, соображал туговато) действительно несколько растерялся. Будь я каким-то крутым спецназером в краповом берете, привыкшим сначала стрелять, а потом спрашивать, – наверное, чисто рефлекторно свернул бы этой Зеленоглазке, насевшей на меня, челюсть, а то и шею, несмотря на все происходящее.

А потом... потом... я даже не стал задумываться обо всех этих «потом». Ну а чего, собственно? Почему с эльфийками всякими там можно, и даже с гномками, а с гоблинками нельзя? Что за расовая дискриминация? В конце концов все, что надо, у них на месте. Лицом тоже ничего, мне, по крайней мере, при виде ее песенку «Ну что ж ты страшная такая...» петь не тянет.

А может (кто меня знает!), мне как раз втайне страшненькие нравятся? Ну мало ли у кого какие патологии... Кому-то нравятся худышки, кому-то, мягко говоря, полненькие, кому, как Киркорову с Галкиным, ну очень постарше, и наоборот... Хотя это уже уголовно наказуемо. Кому вообще... А мне вот страшненькие. Хотя раньше за собой подобного не замечал.

Плюнув на все самокопания и сомнения, повалил Зеленоглазку на спину... Ну все, ты сама напросилась, теперь от меня так просто не отделаешься. Я покажу тебе все, что только сам вспомню из курса речной географии «Кама с утра».

Глава 5

Кирилл, он же Кириэл – попаданец удовлетворенный и в то же время понимающий, что проблемы только начинаются

Я шел с самым хмурым видом, и мне очень хотелось кого-нибудь убить особо жестоким способом... И причиной тому были совсем не гремлины, что рано или поздно опять повстречаются нам на пути и вновь попытаются засыпать камнями, после чего откопать и сожрать без соуса и перца. Они, наверное, потому и не появлялись, что я был очень даже не прочь их встретить. Телепаты, не иначе.

Причина моего хмурого состояния шла рядом со мной – она самая Зеленоглазка, улыбалась, ластилась и не смотрела по сторонам. Хотя уползала от меня с мольбой в голосе. Подозреваю, что гремлины не нападали на нас в этот момент только потому, что думали, будто кого-то убивают особо изощренным способом, и не хотели себе подобной смерти.

Правда, сначала, получив свое, Зеленоглазка хотела от меня избавиться, даже брыкаться начала – я так понял, у них женщины занимают главенствующее положение, матриархат во всем своем махровом проявлении, – вот и со мной хотела поступить подобным образом, как с подчиненным. Но куда там! Я только-только во вкус вошел!

Распалила меня, получила что хотела – и в кусты? Не так быстро, детка! Я только начал! От меня так просто не отделаешься!

Да уж, разошелся я сегодня не на шутку – будто зверь какой в меня вселился... Чего я только с ней не вытворял! Много чего такого, чего с девушками на Земле позволить себе не мог из природной скромности. Группа «Мальчишник» с их «и даже на голове» отдыхает.

Чего тогда такой хмурый и откуда маниакальные наклонности? Да я, собственно, не знаю, что с этой Зеленоглазкой делать... остальные двадцать три часа. Да уж, любим мы находить себе проблемы на ровном месте, а потом героически их преодолеваем, а уж как любим поморализовать – дескать, ответственны за тех, кого приручили, и тэ дэ, и тэ пэ. А уж в свете того, что я с ней переспал... Проблема даже не в том, что она не человек, – все-таки разумное существо, а стало быть, я не зоофил какой, а результат этого действия в ключе отсутствия «зонтика».

А уж если вспомнить старика Мэрфи с его самым знаменитым законом...

Что, не догоняете, о чем я? О том самом, плоде любви!

Час удовольствия, а сколько возможного геморроя! Остается только надеяться, что люди и гоблины биологически несовместимы и детишек не будет. Но если учитывать, в какой мир я попал, и озвученный закон, то уже ни в чем уверенным быть нельзя, и надеждам этим, скорее всего, не суждено сбыться.

Можно, конечно, бросить ее – если уж мужчины-люди бросают женщин, когда те в положении, то чего уж тут миндальничать! Поступить с нею как честный матрос – сами боги велели. Чего уж там, не человечка, и вообще... не я на нее полез, в конце концов, а как раз-таки она на меня.

Тоже, кстати, моральная травма, понимаешь! Не я, а она!

Но постепенно буря в душе как-то улеглась. Чего себя лишний раз накручивать? Будет что будет... а там будем поглядеть.

Галлогала. Гоблинка осчастливленная

О-о-ох!!! Только ради этого стоило стать изгнанницей!

Кирилл, он же Кириэл. Попавший попаданец

Так мы и шли по горам, но, к счастью, больше эти уродцы на нас не нападали. Думаю, основную массу стаи мы выбили, а оставшимся сейчас не до того. Во-первых, надо залечить

раны, а во-вторых, им сейчас не до нас: то, что стая ослабела, наверняка очень быстро станет известно соседям, и они быстренько оприходуют ставшую незащищенной территорию и самок. Надеюсь, к этому времени мы выберемся.

Раз уж так называемое «это» произошло, то я не видел смысла маяться вопросами, хорошо это или плохо, а уже сам после водных процедур в холоднющих горных речках подкатывал к Зеленоглазке. В конце концов, кто тут мужик?! Благодаря чему Зеленоглазка быстро набиралась опыта... Монахи у них, что ли, половое воспитание преподавали? Никакой выдумки. Я вообще так понял, что у них это чуть ли не на скорость все происходило: сделал дело – гуляй смело. Так что мои минимум часовые многоподходные «забеги» воспринимались ею чуть ли не как истязания, но, судя по всему, ей нравилось, особенно учитывая, что гоблинки, в отличие от человеческих женщин, достигали пика наслаждения гораздо быстрее. Так что у нас была полная гармония.

В итоге в горах мы провели две недели. К счастью, вторую банду гремлинов я заметил раньше, чем они нас. Точнее, они заметили нас первыми и даже подготовили комитет для встречи, но засаду я все же разглядел в бинокль, а потому первым сделал ход. Сменил маршрут, и гремлинам не оставалось ничего другого, как нас преследовать по неподготовленному маршруту, а тут уж я настрелялся вдоволь. Отвел душу.

Еще два дня пути – и перед нами раскинулась бескрайняя степь: океан зеленой высокой травы, что под легким ветром колыхался волнами. Тут и там в этом океане встречались острова рош.

Хм... если Зеленоглазка имела в виду людей-кочевников, то... мне как-то не в кайф жить в таком кочевом обществе, перемещаясь с места на место со всем своим скарбом. Мне больше по душе оседлые сообщества, с городами и всеми благами цивилизованного уклада. Правда, города тоже разные бывают, с улицами, где реками текут нечистоты, на голову сбрасывают эти самые фекалии, все это стекает в реку, а потом из этой же реки берут воду для... Брр... к черту такие города.

Но делать нечего, надо идти вперед.

Зеленоглазка, правда, замялась. Такие открытые пространства ее, видно, просто пугали. Даже в горах как-то было привычнее – она, по крайней мере, видела их издали, а этот «стол» – совершенно другой мир. Но отступать некуда.

Я посмотрел в бинокль и никакого движения в степи не засек. Ни стад травоядных, ни прямоходящих. Только орлы в небесах кружат.

И вот мы в степи. День, второй, третий... Останавливаться на ночевку предпочитали в рощах: Зеленоглазке так привычней, да и мне удобнее, безопаснее опять же. Похоже, мы шли по самому краю степи, где лесистых участков еще достаточно много – это и к лучшему, – в достатке ручьев, мелкой живности, дров...

Время от времени встречались курганы с каменными, исписанными рунами обелисками, или как их называют?

На четвертый день, поднявшись на очередную возвышенность, мы наконец увидели пятерых всадников. Ехали они на буйволах куда-то на север. Они уже удалялись, так что я просто не разглядел, кого мы, собственно, повстречали. Людей или еще кого. Вопрос не праздный, учитывая, что я столкнулся с гоблинами и гремлинами: значит, есть вероятность повстречать остальных «персонажей».

Что же делать? Идти дальше своей дорогой или все же пуститься в преследование? Рано или поздно общение придется устроить, так почему бы не сейчас? Опять же, на мой взгляд, лучше попробовать установить контакт с небольшой группой, чем наткнуться сразу на все стойбище. Это безопаснее в том плане, что если контакт не заладится, то отделаться от пятерки всадников будет куда проще, чем от всей толпы в несколько десятков голов. Одного барабана хватит.

Решено, идем по следу. И надо бы поторопиться – они ведь конные... то есть... всадники, в общем, а мы на своих двоих и изрядно устали. Но надо поднажать – и мы поднажали.

Шли до сумерек. Пора уже было вставать на ночевку, тем более что вряд ли получится нормальное общение на ночь глядя. Ночь – время подозрительности, день – открытости.

Но особого выбора просто не было. Заночевать в двух шагах от неизвестных – не самое лучшее решение. Могут неправильно понять, а то потом придется петь песенку: «Не хотел я умирать, но меня не поняли»⁴.

Тем более что вряд ли эти всадники будут двигаться ночью: быкам тоже нужен отдых, а значит, они, по всей видимости, довольно близко.

Я даже не предполагал, насколько близко. Взобравшись на очередное возвышение, я упал как подкошенный. Зеленоглазка рухнула рядом.

Как оказалось, мы вышли на край котлована... скорее всего, даже кратера, образовавшегося от падения метеорита. Практически идеально ровная лунка глубиной метров тридцать и диаметром под сотню-полторы. Растительности, кроме чахлой травы, внизу нет.

И похоже, мы пришли несколько не вовремя...

В центре кратера расположились преследуемые нами кочевники. Только там происходило что-то не то. Посудите сами: одного кочевника распяли прямо в самом центре кратера, вокруг развели костры: двенадцать больших во внутреннем круге и с полсотни маленьких во внешнем круге.

Животных не видно. Понятное дело, остались где-то наверху: вниз их не спустишь, стенки довольно круты, да и ритуалу, наверное, мешать будут своим мычанием. Вероятно, вон в той рощице справа припарковали парнокопытных, что примерно в двухстах метрах.

Четверо расположились вокруг жертвы. Трое рассевшихся по бокам и в ногах мерно покачивались из стороны в сторону – видно, что-то монотонно пели. Четвертый, устроившийся в изголовье распятого, чуть приплясывал на месте, покручиваясь то в одну, то в другую сторону, и бил в бубен, завывая так громко, что даже до меня доносились отзвуки его камланий. Хотя, может, в кратере такая акустика хорошая...

Лиц я разглядеть не мог: мешали сгустившиеся сумерки, и костры ничуть не помогали – скорее даже мешали. Кроме того, эти шаманы обрядились в свои шаманские наряды, и один их элемент костюма закрывал лицо всякими веревочками, косичками с привязанными к ним перышками, камешками и прочей лабудой. Оставалось только гадать, как они сами сквозь эти «камышы» что-то видят.

Жертву тоже рассмотреть не удавалось. Ее всю завалили «гербарием», и мешал плотный дым от маленьких курилен.

«Да здесь, похоже, какое-то жертвоприношение устраивается», – подумал я.

Хотя кто знает, может, это какая-то инициация вроде посвящения или еще что дикарское, сугубо сакральное. Но исходить всегда лучше из худшего, так что рисковать не будем: надо линять. И я стал потихоньку отползать назад, утянув за собой Зеленоглазку. Нам с такими деятелями точно не по пути. Могут ведь решить, что мы тоже хорошая жертва, и сделать приглашение, от которого невозможно отказаться ввиду связанных ног и рук.

Но стоило мне только начать отползать назад, как камлания в кратере стихли, я невольно посмотрел туда – и тут же рванул прочь, уже не скрываясь. А чего, собственно, скрываться, когда тебя обнаружили и трое кочевников, отвлекшись от священнодействия, рванули к нам?

Отбежав метров на двадцать от края кратера, я остановился. Бегать бессмысленно. Даже если удастся оторваться сейчас, что весьма сомнительно при такой-то усталости и нагруженности, а барахло свое мне жаба бросить не позволит... Мы сюда-то доперлись, едва стоя на ногах,

⁴ Из песни В. Петлюры.

и это ненадолго: четыре ноги в любом случае гораздо быстрее двух. Догонят, как пить дать. А в темноте вряд ли удастся спрятаться. До нее еще надо дожить. Выследят, без вариантов.

Так что я остановился, скинул рюкзак и развернулся, изготовившись к стрельбе, встав на одно колено. Зеленоглазка тоже приготовила свои три дротика с каменными наконечниками. Два для постоянной носки ей показалось мало. Будь ее воля – она бы еще штук десять сделала, но пришлось ограничить ее милитаристские наклонности наращивания стратегически важного метательного вооружения. Неудобно и тяжело. Трех хватит выше крыши, учитывая и мое оружие.

Троица не заставила себя долго ждать. Минута – и вот они наверху, с криками размахивают ятаганами. Увидев нас, резко заткнулись. Ку-ку... не ожидали нас увидеть так близко? Думали, мы несемся в степь, не чуя под собой ног? Облом.

Но потом они опять воинственно заорали и бросились вперед.

Я нажал на спуск, и первый урод... да, это оказался совсем не человек – у людей нет таких выпирающих нижних клыков, – откинул голову, схлопотав пулю точно в лоб, и полетел назад.

Интересно, пуля пробила ему черепушку? Кто их знает, какая у них толщина кости? Но вырubiла точно, устроив качественное сотрясение мозга, а при падении он, может, еще шею свернет, что в таком случае было бы неплохо... Добивать не придется. Одно дело в бою, спасая свою жизнь, завалить, и совсем другое – уже после боя хладнокровно кокнуть, пусть и орка. Хотя моя спутница в этом плане особых моральных терзаний точно испытывать не станет – замочит только так, и сортира никакого не надо.

Метнула дротик Зеленоглазка, и второй чувак с пронзенной грудью полетел вслед за первым, только его и видели. Этот точно готов: когда тебя протыкает насквозь, жить как-то затруднительно.

Средний-третий-последний, увидев, что случилось с коллегами, и остро осознав собственное одиночество, попытался скрыться, но от пули, летящей со скоростью двести метров в секунду, это сделать практически нереально. Последний преследователь, с пробитым вместо лобешника виском, исчез из поля зрения вслед за остальными.

Теперь надо валить четвертого – главаря, оставшегося рядом с жертвой. Он наверняка самый опасный и уйти нам подобра-поздорову не даст. Но прежде надо дозарядить барабан.

Заменив его, осторожно подполз к краю кратера. Противника не стоит недооценивать. Выглянул.

И где этот хрен с бубном? Дать бы ему в бубен, гаду такому...

Сзади чем-то повеяло, аж мурашки по коже диким табуном пробежали от затылка до седалищного места. Я только-только стал оборачиваться, как Зеленоглазка, вскрикнув, видимо предупреждая меня, уже метала свой дротик.

Фигасе! Шаман каким-то макаром оказался у нас за спиной! Как?!

Дротик Зеленоглазки, что должен был пробить ему брюхо, отлетел в сторону, точно срикошетив, но при этом не долетев до цели. Так что дело не в бронике – а-ля доспехе.

Что за фигня?!

Шаман взмахнул рукой – и Зеленоглазку буквально сдуло в кратер.

– Тварь! Сдохни!!

Нацеливаю на этого гадского гада винтовку, и... еще один взмах рукой шамана – и в меня буквально ударяет воздушная стена, сбивая с ног. Правда, вниз я не лечу, остановился на самом краю: видать, шаман что-то не рассчитал с мощностью удара. Зеленоглазка – она ведь совсем легкая, я потяжелее буду, учитывая мой несколько излишний вес. Увы, не атлет... Но, похоже, лишний жирок, что не сошел полностью за время пребывания здесь и долгие путешествия, спас мне жизнь.

Шаман вроде как особо не удивился и стал готовить очередную пакость, но я ему этого позволить не мог и начал стрелять. Тот, понимая, что в руках у меня не костыль, а что-то

убойное, вытянул руку вперед, как Шварценеггер: остановись-ка, бэби. Чего он этим хотел добиться, я не в курсе, но первая же пуля попала ему в эту ладонь и пробила навывлет.

А чего вы хотите? Даже обычная пуля, я говорю про нормальный калибр пневматического оружия, как у меня, способна пробить трехсантиметровый слой доски на расстоянии до тридцати метров, а тут меньше двадцати будет, ну и про каленый сердечник забывать не станем. Как знал, честное слово, сменил дум-дум на эту, с сердечником.

Шаман закричал, а я вогнал в него оставшиеся пять пуль. Но подышать он не желал. Упал, скрючился, дико завыл, однако стал медленно подниматься...

– Е-мое!

Я стал быстро перезаряжать винтовку. Ну как быстро... ручки, надо признаться, тряслись, зубки стучали, в кишках че-то закрутило, и ножки стали подкашиваться... Раньше как-то такого не было, когда с гремлинами сталкивался, а тут скрутило. Ну так и гремлины вели себя нормально: если раненые – так убегали, если убитые – никуда не бегали. А тут какая-то хрень творится! И это перемещение непонятное, плюс воздушный удар, на ум сразу приходила мысль о магии, а с магией шутки плохи, – вот меня и мандражило всего.

Вообще, по уму надо было быстро подскочить к этому шаману, пока он крючился, и рубануть его топором или лопаткой по шее. Но меня че-то заклинило... Не Рэмбо я...

В общем, шаман оправился быстрее, чем я перезарядил винтовку. Ненамного, но он нанес удар первым. Стукнул в бубен, что-то истерично взвизгнул – и в меня из этого самого бубна полетели настоящие привидения. Жуткая жуть, скажу я вам! Голливуд отдыхает! Монстры монстрачные! Зубищи – во! Когтищи – во! Размаха рук не хватает! А хари!!! Мать моя женщина, увидишь во сне – не проснешься!

Да я и сейчас чуть богу душу не отдал! Штаны потом не помешает проверить... Меня буквально парализовало от страха, даже крик в горле застрял.

И вот первая страхолюдина набросилась на меня, и я, не в силах даже пошевелиться, закрыть глаза или отвернуться, ждал смерти в жутких мучениях, но вместо этого сверкнула легкая вспышка – и привидение с каким-то вздохом облегчения рассеялось.

Вот это шамана, похоже, удивило, и даже больше – выбило его на несколько мгновений из колеи. Привидения тем временем продолжали меня атаковать, как камикадзе, и рассеивались в легких вспышках.

Шаман наконец среагировал, прекратив извергать из бубна монстров, загнал последних обратно и хотел сделать что-то еще, но тут уже я немного оклемался и залепил ему еще шесть пуль.

И вновь дикий крик, и вновь в целом понятное, но необъяснимое нежелание умирать.

– Вот гад! Да когда ты сдохнешь наконец?! – возмутился я в праведном гневе.

Ну действительно, куда такое годится? Одиннадцать пуль в теле (не считая той, которой я пробил ему ладонь), а он ни гугу.

Но на этот раз я не стал хлопать ушами – не гoblin (у Зеленоглазки это в момент пика удовольствия хорошо получалось, потешно) – и, выхватив лопатку, подскочил к шаману и с криком со всего маху обрушил ему сталь прямо на черепушку. Шаман наконец рухнул и признаков жизни подавать не спешил. Хотел рубануть еще, но лопатка застряла в кости, пришлось достать топорик и отчекрывать голову, от греха подальше. А то кто его знает, вдруг и с такими ранами выживет, – учитывая, что сейчас произошло, я уже ничему не удивлюсь. Магия-с...

– Зеленоглазка!

Все-таки привязался я к этой гoblinке. Ну а как тут не привяжешься после стольких совместных ночей? Одному как-то совсем тоскливо будет, а так – компания, пусть и в лице гoblinки. С ней хоть и не поговоришь особо, но зато у нее есть другое преимущество, перекрывающее все недостатки...

Вдруг подумал: а может, оно и хорошо, что общаться не можем? А то ведь иной женщине дай только выговориться – и ты будешь погребен под валом ничего не значащих слов. А потом она на тебя вдруг ни с того ни с сего, с твоей точки зрения, обидится, пойдут слезы, начнутся упреки: ты такой-рассякой, меня не любишь, не обращаешь внимания и тэ дэ, и тэ пэ. А все дело в том, что в этом ворохе слов, что уже привычно проходит мимо наших ушей шумовым фоном, которому мы на автомате поддакивали и кивали, она сказала что-то ей важное, задала вопрос глобального значения. Ну, типа: «Нравится тебе эта блузка или лучше вон ту полосатую кофточку взять?» – и ты пропустил это, как прочий словесный мусор, мимо сознания. И все, трындец, обида... А чтобы загладить ее, придется заплатить кучу денег какому-то усатому носатому дяде, покупая букет цветов и подарок из драгметалла. А так – молчит и сходит за умную, а посему желанную...

Я бросился к обрыву. Зеленоглазка лежала без движения почти в самом низу, застряв между камнями. Оставалось только понадеяться на феноменальную живучесть, присущую расе моей попутчицы.

Схватив рюкзак, бросился спускаться там, где поднимались орки. Мимоходом обухом топорика по черепушкам законтролил орков.

А вот и моя Зеленоглазка. Лежит сломанной куклой. Проверил пульс. Есть! Ей повезло: стенка оказалась достаточно пологой для спуска, и она скатилась по ней, как с горки.

– Зеленоглазка... – осторожно приподнял я гоблинку, надеясь, что она себе ничего не поломала. Позвоночник у нее вряд ли срстется, несмотря на регенерацию.

– Кирриэл... – улыбнулась она, едва очнувшись.

Напоил ее водой.

Подхватив на руки, понес к кострам.

Ну, вроде все в порядке. Переломов нет, небольшие царапины и ссадины не в счет – заживет так, что следов не останется.

Убедившись, что с Зеленоглазкой все в порядке, вспомнил про распятую жертву шамана. Следовало посмотреть, что там к чему.

– Полежи немного... – поцеловал Зеленоглазку. – Я скоро.

Угадайте с трех... нет, с двух раз: кого я там нашел привязанным по рукам и ногам ко вбитым в землю железным штырям?

Гы-гы... вы угадали правильно.

Глава 6

Олграна. Орчанка из рода Дикий Тур. Несостоявшаяся жертва шамана

Очнулась я, связанная и распластанная на земле. Что случилось?! Почему?!

Вокруг расселись шаман племени и его помощники-бездари. И они уже начали ритуал поглощения души – моей души!!!

Так вот что ты задумал, отродье бездны!

«Проклятый старый хрыч!» – хотела крикнуть я, но губы не слушались.

Остальное тело также не желало повиноваться. Не иначе опоил чем-то на последнем привале, при этом оставив сознание свободным.

Я тоже хороша – поверила этому старикашке, и это после всего, что произошло! Ну не дура ли?! Мне следовало быть втройне осторожной...

О, духи предков! Отец! Помоги мне! Не дай свершиться злодеянию! Заклинаю!!!

Чудо! Благодарю вас, предки! Это я воскликнула, увидев, что Шалшенш отвлекся от ритуала поглощения души, приказав схватить неизвестно откуда появившихся чужаков.

Мне было отлично видно, как помощники шамана ринулись в атаку и, едва взобравшись, за считанные мгновения свалились обратно мертвыми. Старик явно поторопился с приказом. Да и его помощники проявили в высшей степени небрежность, посчитав себя настолько сильными и неуязвимыми, что даже амулетами не воспользовались. Идиоты.

Я еще по заносчивости и бездарности этих идиотов должна была понять, что Шалшеншу не нужны в роду шаманы, способные хоть как-то соперничать с ним в силе дара.

А вот и он сам, ругнувшись сквозь зубы, решил разделаться с нежелательными свидетелями своего преступления. Мгновение, удар в бубен с кратким речитативом – и он исчез, чтобы появиться за спиной врага. И враги этого никак не ожидали. Вот один из них полетел вниз, беспорядочно кувыркаясь по склону Чаши.

Ну?! Неужели шаман убьет всех моих защитников, направленных духами предков? Не могут духи семьи Рролх, в которой было так много обладателей Силы, так опростоволоситься.

Атака плененными душами! Одной из которых только что чуть не стала я сама. Страшное оружие: если нет мощных защитных амулетов и жертва не является обладателем Силы, то...

Что это?! Я изумилась, не в силах поверить очевидному. Духи предков отправили мне в защитники простого разумного, без амулетов и не обладателя Силы?

Ну ладно, он не является обладателем Силы, но при этом еще не имеет защитных амулетов?! Если это не так, то Шалшенш не стал бы выпускать плененных душ. Духи предков, как же он справится с шаманом?! Неужели вы так слабы и беспомощны против этого старикашки?! Чаша – место Силы, именно вы должны быть здесь сильнее всего.

Но, похоже, я несколько погорячилась: мой защитник все еще жив.

Меня словно обдало волной горячего воздуха, но это был не воздух, а всплеск силы... жизненной силы. И когда происходит такой всплеск, это значит, кто-то умер – кто-то очень сильный. И если защитник был обычным и своей смертью он не мог выделить столько энергии, как не выделили ее эти три полудурка, – значит, умер шаман!

Простите меня, духи... я была несправедлива к вам. И когда освобожусь, я искуплю свою вину, как полагается.

Но как обычный разумный смог победить Шалшенша?! Да, шаман был стар и не слишком силен, больше тщеславен, но он мог играючи уничтожить десятки воинов, защищенных амулетами, а уж одного «голового»...

Я замерла – хоть и без того лежала неподвижной, – потрясенная, когда увидела посланника духов предков, моего спасителя в истинном зрении. О! Какая аура!

Старый дурак! Ты стал настолько самоуверенным, столько прожил, а ума не нажил, что даже не посмотрел на своего противника истинным взором. А зачем, если тот не пользуется магией, да? Иначе бы ты точно не атаковал его плененными душами, потому как это – гарантированно подарить им свободу. Ты оказался не умнее своих помощников, коих и подбирал себе под стать...

Аура моего спасителя сияла золотом, как солнце, так ослепительно, что я поспешила переключиться с истинного взора на обычный.

Кто же он?

И тут я вспомнила, кому может принадлежать такая сильная аура.

О духи предков! Как вы, оказывается, сильны!!! Послать мне не кого-нибудь, а рассара! Я преклоняюсь перед вами, простите свою недостойную дочь, посмевавшую усомниться в вас!

По-прежнему оставаясь неподвижной, я наблюдала за тем, как человек стал осматривать своего напарника и потом перенес его к костру, осматривая более тщательно...

Человек?! Духи послали для моего спасения человека?

Моему изумлению не было предела. Хм, ну да духам виднее, кого посылать для моего спасения. Главное то, что он – рассар.

А кто же его напарник? Мелковат он что-то для человека.

Гном? Тоже вряд ли: слишком узок в плечах и вообще хлипковат. Да и нечего одному гному, даже в компании с человеком, делать в степи.

Гоблин?!

Человек и гоблин? Более того – гоблинка! Вот уж действительно: очевидное – невероятное. Кто бы сказал – не поверила, что подобная связь возможна. А связь есть – вон как он нежно обращается с этой лопоухой дикаркой. С ума сойти! И это человек, кои гоблинов вообще считают за животных...

Убедившись, что с его попутчицей все в порядке, человек подошел ко мне, держа в руках какую-то странную штуку, чем-то напоминающую арбалет, только без плеч. Магический стреломет? Нет, магии не видно, хотя в сиянии его ауры мало что можно рассмотреть – все забывает.

И как только шаман его не опознал, несмотря на все свое запредельное самомнение? Не иначе духи предков сглазили...

Человек, поморщившись от дыма, раскидал курильни и что-то произнес. Я не поняла.

– Развяжи меня... – прошептала я на общем, почувствовав, что чувствительность к губам начинает возвращаться. Ритуал поглощения души уже должен был закончиться, так что действие зелий, коими меня опоили, стало проходить.

Человек нахмурился. Хм, он что, тоже меня не понял? Хотя чего удивляться, губы все еще онемелые, так что я могла произнести какое-то нечленораздельное мычание.

Но вот он, постояв еще немного, принял какое-то решение и, достав нож, обрезал путы.

Я продолжала лежать, раскинув в стороны руки и ноги. Человек чему-то ухмыльнулся, я даже испугалась – как бы он чего со мной, беспомощной, не сделал. Хотя именно то, чего боится большинство женщин, особенно человеческих, не самое страшное... Ведь договор выполнен, духи привели его убить шамана с его шайкой, освободить меня, а дальше – он сам себе хозяин, и каковы его помыслы, оставалось только гадать.

Но нет, страхи оказались напрасны. Человек осторожно взял меня за руки и положил их вдоль тела, сдвинул ноги. После чего взял на руки и отнес к большому костру, положив меня рядом со своей гоблинкой, накрыв одеялом. После чего сел и стал ждать.

Кирилл. Спаситель орчанки

Я подошел к жертве шамана и даже не удивился, увидев, что в центре кратера лежит его соплеменница, усыпанная всякой травой, какими-то шкурками, увязанными сложными узелками, и обнаженная.

Дым щипал глаза, и першило во рту, так что я повыкидывал на фиг эти дымовушки.

– Ну что, спящая красавица, мне тебя поцеловать, чтобы ты проснулась, или сама оживешь?

Впрочем, сказал я полную глупость, поскольку орка, или орчанка, находилась в полном сознании, о чем свидетельствовали двигающиеся глаза, пристально за мной следившие.

Она что-то сказала в ответ, но я не разобрал. Да и не мог разобрать по причине незнания языка.

Решил убрать ее с жертвенного места – мало ли что, вдруг начатый ритуал продолжается, – обрезал путы и раскидал «гербарий»... невольно ненадолго замаявшись для обозрения тела, перенес ее к выбранному раньше костру и накрыл спальником.

Что сказать о строении тела спасенной? Все просто супер. Особенно грудь. Четвертый размер, без вариантов. Ростом с меня, может, даже повыше будет. Ширина плеч тоже внушительна – я довольно широк в кости, превосходил в плечах иных «длинных», – так орчанка мне не уступала. И неудивительно, учитывая, что орки, которых мы положили на краю кратера, ростом вымахали в пределах ста девяноста сантиметров, а уж ширина их плеч и вовсе впечатляла. Громили одним словом.

Что сказать про ее лицо? Широкое, скуластое, жестковато в том плане, что явственно угадывается волевое существо, а не инфантильное, высокий лоб, чуть выпирающие надбровные дуги. За бугорками под нижней губой угадывались клыки. Но они не выпирали наружу, как у мужиков. А если в плане эстетики оценить, красива или не красива, – не мисс мира, конечно, но тоже вроде ничего...

Или это во мне опять возможная патология свое слово сказала? Это я про то, что подозреваю в себе симпатию к страшненьким...

К психиатру бы наведаться, чтобы уточнить диагноз, но где его тут возьмешь?

Ну, выбирать пока не приходится. Да и не собираюсь я...

«А придется», – вдруг хохотнуло мое второе «я».

Изыди!

Хлопнув себя по лбу – чего, собственно, сидеть без дела, – собрал все вещи, что остались от убиенных мною и Зеленоглазкой орков-шаманов. Благо они тут недалеко кучкой валяются.

Сразу нашел одежду орчанки и изъяс все, что можно было посчитать оружием: бронзовый нож, какие-то иглы, крючки, железный серпик. Саму одежду положил рядом с орчанкой. Пусть оденется, когда придет в себя, тем более что вроде недолго ждать осталось – вон уже шевелится под спальником.

Зеленоглазка, свернувшись калачиком, продолжала спать на развернутой палатке.

В мешках остальных ничего интересного не нашел. Тот же странный набор из ножа, крючков и серпика. Плюс всякие ремешки, камешки, перышки и прочая шаманская лабуда. Лучше вообще не трогать, от греха подальше.

Были там и емкости разные, но с этим всем лучше разбираться при свете дня. Так что подожду, никуда и ничто от меня не убежит.

С трупами еще надо разобраться. Но это тоже подождет, тем более что орчанка стала шевелиться гораздо активнее, а значит, нужно быть рядом, когда она окончательно войдет в силу. Вдруг еще на Зеленоглазку кинется?

Но вот орчанка приподнялась на локтях – видно, что с трудом, – посмотрела на подготовленную мною одежду и стала одеваться. Я честно старался не смотреть на этот стриптиз наоборот, на ее выдающиеся прелести, но и выпускать из виду не мог не только из-за «озабоченности», но просто из соображений безопасности.

Одевшись, несколько раз чуть не упав – координация движений все еще оставляла желать лучшего, – орчанка с облегчением уселась напротив и опять что-то сказала.

– Не понимаю... – развел я руками.

Действительно, что делать?

Ну а пока давай вновь с представления начнем.

– Кирилл, – показал я на себя.

– Олграна... – представилась орчанка.

– Олграна, – повторил я.

– Кэррэл, – в свою очередь попыталась воспроизвести мое имя орчанка.

– Кирилл, – поправил я.

– Кэррэл...

«Да черт с вами, Кэррэл так Кэррэл», – отмахнулся я мысленно.

Какая разница, как называют!

– Галлогала, – показал я на все еще подремывающую Зеленоглазку – хорошо ее тряхнуло при падении, и выжидательно уставился на орчанку.

Гоблинку орчанка проигнорировала. Может, потому что та сама ни на что еще не реагировала.

А дальше что, опять на наскальные рисунки переходить?

Орчанка, помолчав немного, показала на один из прихваченных мною мешков. Видать, ее. Что ж, не жалко. Можно и отдать, но без колюще-режущих инструментов.

Олграна. Шаманка

Как только к телу вернулась чувствительность, оделась под косым взглядом человека. Смутился... Люди так смешны с этим их табу на наготу.

Ха-ха, да я ему нравлюсь! По крайней мере, мои формы его точно заводят. Вон как завошкался, не иначе пытается сбить эффект возбуждения, но не очень-то у него получается.

Даже покрутилась специально, чтобы смутить его еще сильнее. Почему бы и не развлечься?

Смутился еще сильнее, но все равно не выпускает из виду. И правильно.

Познакомились.

Странное имя у человека, подумала я, впрочем, это самая малая из его странностей. Ну что же делать, общего он не знает, тогда откуда он такой взялся? Ведь общий язык на то и общий, что на нем говорят все разумные, кроме разве что совсем дикарей вроде его гоблинки да этих серокожих горных уродцев.

Остается только одно...

Я показала на свой мешок, и Кэррэл мне его отдал. Порывшись в своих вещах, вытащила свой бубен и еще маленький мешок с ингредиентами для проведения ритуала познания. А также небольшую курильню и травы для нее.

Человек напрягся и свою странную штуку перехватил удобнее. Явно оружие. Не им ли он убил шамана и его прихвостней? Скорее всего... Что ж, его можно понять.

Я тем не менее отошла на несколько шагов и принялась порошком чертить круг и прочие необходимые руны. В центр поставила курильню и зажгла. Человек не спускал с меня настоящего взгляда, а палец лег на курок его стреломета. Правда, стрел не видно, но, наверное, они вылетают из дырочки железной трубки. Только как же ее заряжать? Впрочем, ладно, это сейчас не столь важно...

Сев в круг на свое место, приглашающе указала рукой на место напротив себя.

Согласится или нет? Если нет, то плохо.

Все сомнения так и читались на лице Кэррэла. Опасался он шаманской магии, тем более что не понимал, для чего все это я устроила. Может, я его убить хочу. Хотя это глупо – к чему

такие сложности, можно сделать гораздо проще. Но ведь не объяснить ему. Разве что жестами попыталась донести до него, для чего это все нужно. Вроде понял.

Интересно, я на его месте согласилась бы сесть в круг? Совсем не уверена...

Но тут пришла в себя гоблинка... как там ее... не суть важно. Человек подошел к ней и, не выпуская меня из виду, погладил по голове и даже чмокнул в нос. Да уж...

Потом он ей стал что-то объяснять. Показал на меня, покрутил пальцем – а, так это он мой круг имеет в виду. К моему удивлению, гоблинка не хотела, чтобы человек участвовал в шаманском обряде, но человек был настойчив. Разумный!

Гоблинка наконец кивнула и демонстративно взяла наперевес свой дротик. Глупышка, если я захочу, то раздавлю тебя как муху.

Как бы то ни было, подстраховавшись, человек вошел в мой круг и сел на указанное место.

И я начала камлание...

Кирилл, он же Кириэл, он же Кэррэл. При этом еще какой-то рассар

Надо было быть идиотом, чтобы сесть в нарисованный шаманкой круг и согласиться на какой-то предлагаемый ею обряд. Ведь насколько я успел убедиться, и сильно так убедиться, на собственной шкуре, – магия здесь не фантастика, шаманы не аферисты, а суровая реальность, и я, можно сказать, сам сунул голову в пасть льву. Но я это сделал – пусть и под прикрытием Зеленоглазки, но, видимо, все же не до конца осознавая происшедшее.

Как бы то ни было, камлание началось. Олграна ударила в бубен и стала что-то горланно завывать, впадая в транс.

Дым этот еще... вдохнув пару раз, я почувствовал легкость, на ум сразу же пришли слова из идиотской песенки нариков: «И нас уносит от земли чудесный запах конопли...»⁵

Не знаю, что за гадость была в курильне, но уносила она от земли – будь здоров!

Еще это камлание... гипнотизирующая ритмичность ударов в бубен плюс погружающий в транс речитатив.

В какой-то момент я перестал чувствовать тело, стало легко и приятно. Невесомость...

Вряд ли это марихуана, скорее анаша какая-нибудь. Или это одно и то же? Я в этом вопросе, к счастью, не спец, даже не пробовал ни разу! (Какой я правильный маменькин мальчик!)

В какой-то момент я ощутил, что вообще нахожусь вне своего тела! Вон оно, подо мной сидит, покачивается. Окружающий мир потерял свою четкость, словно на плохого качества фотографии. Ну и перепугался же я!

Перед собой, точно над шаманкой, покачивающейся в ритме собственного речитатива, я увидел прозрачную фигуру. Неужто и я сам так выгляжу?

– Не беспокойся, – услышал или скорее почувствовал я исходящий от нее информационный поток. – Иначе обряд прервется... я не желаю тебе зла, а хочу передать знание языка, чтобы мы могли нормально общаться в телах.

– А сейчас как общаемся? – удивился я.

– Тонким телам, или душам, не нужны слова, они общаются напрямую...

Ясно, подумал я, пытаясь все осмыслить с точки зрения логики. Языки ведь, по сути, разная кодировка одной и той же информации. Я не программист, но тоже кое-что секу.

– Что ж, действуй... – кивнул я, сразу же успокоившись.

Я вдруг понял, что в такой форме бытия ложь невозможна. Я бы ее просто осознал. Это чистый поток информации, без полутонов и скрытого смысла, что иногда превращают белое в черное.

⁵ Слова из песни В. Петлюры.

Ко мне потянулся щуп от сгустка души шаманки и коснулся меня. Вспышка боли – и я сразу же осознал себя опять в теле.

Ох-хо-хох...

Шаманка пошатнулась и чуть не упала – похоже, ей это действие далось не просто так, – но оперлась рукой и сохранила равновесие, отложив бубен в сторону.

Мне тоже изрядно досталось – все никак не мог сконцентрироваться, в голове шумело, звенело, в глазах двоилось, так бывает при нокдауне, – еще чуть-чуть, и вырубился бы.

Вот же наркотская трава! Чего только не привидится! Так что с этим больше экспериментировать точно не стоит. Уважили один раз, поучаствовали в представлении – и баста! Пусть сама торчит, если ей так нравится, она девочка уже большая, своя голова на плечах есть, а мне пофигу, но в сокосячники пусть больше не зовет.

Я отполз из круга подальше, чтобы больше не вдыхать туманящего разум дыма. Сразу стало легче.

Но вот странное состояние прошло, голова просветлела, ушла давящая тяжесть, и я смог наконец сфокусировать взгляд на сосредоточенно разглядывающей меня Олгрane, махнув обеспокоенной Зеленоглазке рукой – мол, все в норме.

– Ты меня понимаешь? – спросила шаманка, четко произнесла слова, успев затушить курильню специальной крышечкой.

– Да, вполне... – ответил я автоматически и вдруг осознал, что ответил явно не на русском. – Ептыть! Настоящий рояль!

Нет, я не глюк в виде музыкального инструмента увидел, хотя это было бы неудивительно при такой дозе да с непривычки, а в переносном смысле, – ну вы поняли...

Шаманка удивленно посмотрела на меня, но я отмахнулся, успокоив:

– Не обращай внимания, это я так, о своем...

Чуть не добавил присказку «о девичьем», но вовремя прикусил язык. Могут неправильно понять-с...

Но раз сей инструмент в наличии, почему бы не сыграть на нем? Ну и я, образно говоря, откинув полы фрака, уселся поудобнее на табуретке, хрустнул пальцами и – да-дам! – взяв первый аккорд, сказал:

– Давай расставим точки над «ё»...

– Точки над... чем?

– Не придирайся к словам. Язык-то я выучил и даже говорить могу, а алфавит еще нет...

– Информация о нем пробудится, как только ты увидишь буквы общего языка. Могу показать...

– Неплохо, но с алфавитом позже познакомимся. Давай о насущном... В общем, так, тебя собирались принести в жертву?

– Не совсем... скорее поглотить мою душу...

– Но ты этого не хотела?

– Конечно же нет! Кто по доброй воле расстанется с душой, да еще в заточении?!

– Хорошо, одной проблемой меньше, а то я думал, что, возможно, прервал какой-то важный для тебя ритуал.

– Ритуал, конечно, важный, и для меня в первую очередь, – усмехнулась шаманка. – Но тому, что ты его прервал, я очень рада.

– Ладно, с этим разобрались. Теперь вопрос: у меня с этим делом будут проблемы?

– Если быстро не покинешь степь, то вполне возможно. Шалшенша начнут искать и найдут тебя, спросят так, что ты не сможешь соврать. В любом случае тебе лучше не попадаться, чтобы банально не стать рабом. Хотя за убийство шамана тебя ждет очень мучительная смерть. Очень.

– Зашибись... Далеко граница степи на западе? – поинтересовался я.

– В четырех днях пути быстрого хода... но это на быках. А если пешком, то в десяти. У тебя есть три свободных дня. К завтрашнему... нет, уже сегодняшнему, вечеру шаман должен прибыть в стойбище. Это первый день. Когда не придет, будут ждать еще день – мало ли что его задержало? Это второй день. На третий день поисковики приедут сюда. Итого у тебя есть три дня чистой форы. Они будут на лучших скаковых быках, так что настигнут довольно быстро. Два дня максимум. Итого пять дней. Ты не пройдешь и половины пути.

– Плохо...

– Да, ничего хорошего, – с сочувствием согласилась шаманка.

– Что, совсем никаких вариантов? – с надеждой спросил я.

– Есть.

– И?!

– На севере в шести днях пути начинаются Проклятые земли.

– Смешно.

– Я разве сказала что-то смешное? – удивилась Олграна.

– Угу, я сейчас от смеха животик надорву, – кивнул я и действительно хохотнул, правда, совсем невесело. – Как я понимаю, Проклятые земли не зря называли проклятыми? Не от балды же ведь каким-то весельчаком?

– Конечно. В незапамятные времена там отгремела мощная магическая война...

– Понятно, апокалипсис местного значения с сопутствующим магического плана заражением местности.

Штамп, однако...

– Чем опасны Проклятые земли?

– Различными магическими ловушками-аномалиями, пятнами смерти, войдя в которые любое существо тут же погибает, измененными животными, нежитью... в одну из коих можешь превратиться сам.

– Достаточно. Час от часу не легче... А ты еще спрашиваешь, чего смешного сказала. Да тут упасть не встать!

Шаманка выпучила на меня глаза, все еще не догоняя.

– Ты предложила мне разменять одну смерть на другую – это раз. Но еще более смешно то, что мы до нее даже не успеем добраться. Не хватит одного дня, чтобы сгинуть без следа в Проклятых землях. Ладно, еще варианты есть?

Шаманка кивнула.

– И?

– Я пойду с вами, и я с легкостью смогу вас защитить от всех, кто встанет у нас на пути.

– Э-э... мм... Зачем тебе? – удивился я, почувствовав подвох: второе «я» в облике интуиции прямо-таки вопило об этом.

– Ну-у... – замялась орчанка.

– Говори.

– Меня ведь тоже не просто так тут распяли...

– Продолжай...

– В общем, мой род Дикий Тур понес большие потери в войне за лучшие пастбища в столкновении с конкурентами. Погиб мой отец – вождь и все мои братья...

«Да ты, оказывается, у нас принцесса!» – мысленно засмеялся я еще одному штампу.

Да, кстати, надо как-нибудь поинтересоваться родословной Зеленоглазки, подумал я, посмотрев на спутницу, а то, может, и она не простая гоблинка!

Галлогала пристроилась рядом со мной, прижавшись к правому боку, насупленно поглядывая на орчанку.

Ревнует, что ли? Как бы проблем не поиметь в связи с этим...

– ...Наш род сильно ослаб и вынужден был объединиться с другим союзным родом, чтобы не быть окончательно истребленным, – тем временем продолжала Олграна. – Во мне еще раньше обнаружили Дар, и родовой шаман даже потихоньку развивал его, учил... Вообще женщина-шаманка – это не то чтобы запрещено, но не принято...

Я понимаю кивнул. Женщинам всегда труднее пробиться в сфере, плотно оккупированной мужчинами.

– Но Шалшенш – шаман рода, в который мы влились, – сказал, что мы, несмотря на объединение, ибо их род тоже был не слишком силен, все равно слабы по сравнению с конкурентами, и предложил меня полностью инициировать... Чему я с радостью согласилась. Дура...

– А вместо этого?

– А вместо этого он решил пленить мою душу и заточить ее в свой бубен.

– Зачем?

– Душа одаренного Силой во много раз сильнее простой души. И чем больше душ и чем они сильнее, тем сильнее сам шаман.

– Это понятно... Но что тебе сейчас мешает вернуться к своим? Зачем идти со мной? Тем более что твой род, похоже, остается вообще без шаманов... ни тебя, ни этого... Шамшуша...

– Шалшенша...

– Без разницы. Так в чем вопрос?

– Во-первых, что касается шаманов, один ученик в роду остался. Его более чем хватит, а если нет – племя поможет, выделив шамана из другого рода, иногда в них возникает избыток. А во-вторых, мне по большому счету все равно ждать нечего. Замужество, и все... Будь я обычной орчанкой, это было бы пределом моих мечтаний, но я обладательница Дара, и быть только матерью и хранительницей очага – это все равно что добровольно и пожизненно запереть себя в клетку. Я хочу развиваться как шаманка.

– Понятно...

А ведь она недоговаривает, подумалось мне. Подозрительным я стал, аж зачесался весь. Хотя, может, просто помыться нужно? Если точнее, сказала половину правды. Еще о чем-то умолчав, возможно, о более весомой причине. Темнит че-то клыкастая...

И что делать? Послать ее на всем известные буквы святого числа-количества? Или... Вот именно что «или». Лучшего варианта все равно нет. Я с этой винтовкой много не навоюю. Если противников будет хотя бы на одного больше, чем пуль в барабане, – это трындец. А если они в броне, то тем более каюк. Завалят. А с шаманкой шансы значительно возрастают. И зачем она хочет присоединиться ко мне, разберемся позже. Ну не влюбилась же в меня, такого хорошего и красивого!

– Что ж, я не против... Только тебе придется научиться языку еще и Зеленоглазку... то есть Галлогалу.

– Зачем? – презрительно фыркнула орчанка.

Понятно, орки гоблинов за людей не считают...

М-да, ну и сказанул. Они вообще все не люди – что орки, что гоблины. Но смысл понятен...

– Я так хочу. А в качестве платы отдам тебе бубен этого Шамшума...

– Шалшенша...

– Да без разницы.

– А разве его бубен уцелел?! – с запозданием изумилась шаманка.

– А что с ним станется?

– Обычно шамана быстро можно убить – а ты убил его очень быстро, – только если повредить бубен, что тоже очень непросто. Сила душ, заключенная в бубне, будет держать шамана в мире живых до тех пор, пока не источится и не будут поглощены все души.

– То-то он все никак подышать не хотел...

– Чем же ты его убил, не повредив бубен?!

Немного подумав – собственно, что я теряю, может, наоборот, узнаю что-то новое, – я достал пульку с каленым сердечником и дал ее шаманке. Эх, вот беда, этих пулек у меня осталось всего два десятка. Пичалька...

Олграна взяла пулю и чуть ли не попробовала ее на вкус... нет, все же попробовала.

– Хладное железо!!! – воскликнула она. – Тогда понятно, как тебе удалось его победить, человек.

– Чего? Какое еще хладное железо? – не врубился я в тему.

– Вот это... в центре, это хладное железо.

М-да? А по мне – так обычный цилиндрический подшипник...

– И чего? – спросил я, надеюсь, с умным видом.

– Как чего? Ты не знаешь?! – еще больше поразилась Олграна, хотя, казалось, куда уж больше.

– Так просвети.

– Хладное железо способно пробивать любую магическую защиту благодаря тому, что оно нейтрально к магии. В этом плане хладное железо превосходит даже мифрил! И еще хладное железо наносит очень большие и трудно излечиваемые раны, даже не столько на телесном уровне, сколько на духовном, или аурном, плане. Хладным железом можно рассеять слабый дух или привидение, упокоить нежить, и даже оборотням с вампирами мало не покажется!

– Хм... понятно. Надо быть с этими пулками поэкономнее... Ладно, учи языку Зеленоглазку – видишь, как она вся извелась, ничего не понимая из того, что мы говорим, – обидится еще, а мне этого не нужно, – и пойдем за бубном Шушунша, пока его никто не умыкнул...

– Шалшенша...

– Да без разницы.

Глава 7

*Олграна. Орчанка, потенциальная феминистка
и борец за равноправие женщин на шаманском поприще*

Очень странный человек меня спас. Мало того что он рассар, не говорит на общем, так у него еще и куча хладного железа, за один кусочек которого можно купить целое стадо коров или деревню в человеческих королевствах! Тоже стадо, только людское, ха-ха...

Кто же он и откуда? Гоблинка с ним – это уже меньшая странность из возможных. Где вы откопали его, духи?

А к своим возвращаться у меня действительно желания нет никакого. Причины, названные мной, хоть и реальны, но не основные. Основная причина – это конечно же он, точнее, то, что он рассар...

– Ну пойдем за бубном, – сказал Кэррэл, после того как я провела обряд познания над его гоблинкой и пришла в себя.

Вымотало меня это жутко, учитывая, что второй обряд подряд, и не будь мы в месте Силы – не знаю, как долго приходила бы в себя. А тут – только забрезжил рассвет, а я уже на ногах.

Гоблинка после проведения ритуала выпала из реальности: она ведь не рассар, Силы у нее чуть, кроме того, ей и раньше хорошо досталось, так что пусть лежит, отдыхает и не мешается под ногами. Так и объяснила человеку, с обеспокоенностью склонившемуся над лопухой.

Да, бубен Шалшенша – великая ценность. Ведь по сути это не его личный бубен, он передавался от шамана к шаману несколько поколений, и все эти поколения работали с ним. Он напитан Силой, наполнен душами, к нему привязаны элементали... И не слабые элементали, как у меня, которых к тому же едва дозовешься, стоптав в танце-трансе все ноги до колен, а приходящие, едва стоит позвать! И все это богатство отдать кому-то?! Да ни за что! А ведь придется, если я решу вернуться... Это еще одна причина, по которой я теперь точно не стану возвращаться в род. По крайней мере сейчас. А вот потом, когда я войду в силу, можно и вернуться – не какой-то замухрышкой, а великой шаманкой! А еще лучше – создать собственный род! А что?.. Почему бы и нет?..

Мы выбрались из Чаши, и человек, чуть не падая от усталости, показал в сторону обезглавленного Шалшенша. Рядом с ним сиротливо лежал бубен.

Я, не чувствуя ног, мгновенно подскочила к нему и подхватила реликвию, тут же принявшись привязывать ее к себе, прокусив палец и смазав кровью мембрану бубна, начертав необходимую руну, прошептав соответствующие мантры. Кровь впиталась в кожу, и самопроизвольно раздался звук удара, долгий, глубокий и вибрирующий, что пробрал меня до костей и насытил Силой.

Бубен признал нового владельца! Признал меня! Теперь его у меня точно не отберут!

– Тебе еще что-то нужно от него? – спросил отдышавшийся человек, указав на тело, подождав, пока я закончу ритуал.

– Да, у него куча всяких амулетов, – кивнула я. – Лишними не будут.

– Тогда давай, мародерь, а потом мне придется поколупаться в нем.

– Зачем?

– Хладное железо буду выковыривать, раз это такая ценность.

Я не стала спорить и быстро снимала с Шалшенша все амулеты – их у него оказалось много. После чего человек сноровисто раздел его, просто разрезав одежду ножом с волнистым рисунком стали, не иначе гномьей работы, и, достав из своего за спинного мешка инструмент, водрузил на лоб дивный фонарь, в котором не чувствовалось ни капли Силы, ни живого огня – но ведь светило же, и ярко! – и стал ковыряться в ранах.

Вот это чудо! И ведь наверняка это не единственная диковинка.

– Не то... – недовольно буркнул он, откидывая в сторону комочек свинца. – Черт... не хочет цепляться...

Начал расширять рану ножом и еще через минуту достал-таки первый кусочек хладного железа.

– Проклятье, я так час с ним провозюкаюсь... А у тебя как дела?

– Хорошо!

Амулеты действительно почти все нужные, сильные и запитаны под завязку маной.

– Это хорошо, что хорошо. Деньги-то у него были? Или босяк совсем? Если судить по лохмотьям, что таскал на себе, не удивлюсь...

– Да, вот, – показала я ему кошель с десятком серебряных монет.

Шаману деньги как платежное средство в принципе почти не нужны, он всем обеспечен родом, потому как жизнь и благосостояние рода во многом зависит от силы и опытности шамана, но серебро часто используется в обрядах или изготовлении амулетов, и шаманы зачастую таскают этот металл в виде монет.

– Негусто... но с паршивой овцы хоть шерсти клок. Это ты оставь мне. Мне деньги в землях людей ой как понадобятся.

– Хорошо... – не стала я спорить.

В конце концов, это справедливо: его трофей по праву. А я получила с шамана намного больше, чем дюжина каких-то серебряных монет. Такого, особенно бубен, ни за какие богатства не купишь! Можно только украсть... в теории.

Руки так и чесались проверить его в деле, но стоило проявить выдержку. Уж тем более не стоит призывать элементалей – они не любят приходить просто так: в следующий раз, когда действительно понадобятся, могут и не прийти – из мести, – какую бы плату ни посулила. Даже сейчас, после привязки, они будут драть с меня в десять раз больше, чем с прежнего хозяина.

– Иди тогда вниз, оберни ту троицу, если у них что-то было, и будем сваливать. Не нравится мне тут.

– А из них ты не будешь вытаскивать хладное железо?

– Нет. Там всего два сердечника в их башках. А мне в мозгах ковыряться нет никакого желания ради всего пары кусочков. С этим бы управиться... м-мать! Опять сорвалось!

– Хорошо... Но надо бы тела вытащить...

– На кой?! Если надо, присыпь их там, вот лопатку возьми...

– Этого никак нельзя делать! – воскликнула я возмущенно. – Не стоит осквернять Чашу мертвецами. И потом, они могут восстать, прямо как в Проклятых землях, и пойти по следу для мести. Те, что с хладным железом, вряд ли восстанут, но тот, что с дротиком в груди, – обязательно.

– На куски порубим... вон топорик. Какая проблема? Думаю, без ног сильно не походишь, а без рук – не поползаешь. Без головы – вообще ничего не сделаешь.

Человек засмеялся.

– Нельзя, Кэrrэл.

– Так что, мне теперь их на своем горбу вытаскивать по почти отвесному склону, где и без груза едва подняться можно, того и гляди свалишься?! Вот уж знал бы о такой засаде – подождал бы еще немного этих уродов и только потом их кончил, чтобы обратно не свалились!

– Зачем таскать? Меня ведь тоже не оставили бы, и точно никто на своем горбу тащить не стал бы. Все продумано...

– Тогда действуй по плану... каким тебя собирались вытаскивать. Вот уж правду говорят: не рой яму другому...

Пока человек, что-то бормоча, продолжал ковыряться в теле шамана, я сходила в рощицу к буйволам.

– Здравствуй, мой Бурунчик, спасибо, что беспокоился обо мне, – почесала я своего быка между рогами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.